Липецко-Елецкая епархия

Задонский паломник

№ 82 2011 г.

По благословению архиепископа Липецкого и Елецкого Никона

Православный альманах Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря

Задонский паломник

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

№ 82 2011 год

Альманах издается по благословению Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнейшего Никона, архиепископа Липецкого и Елецкого

Выходит с декабря 2000 г.

Учредитель:
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь Липецко-Елецкой епархии Русской Православной Церкви

Адрес редакции:
399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14.
Телефон: (47471) 2-10-54

При перепечатке ссылка на «Задонский паломник» обязательна

Тираж: 5 000 экз.
Цена свободная.

Просьба не использовать издание в хозяйственных целях

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство:
ПИ №ФС77-21446
от 01 июля 2005 г.

Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте; озаботься узнать, при помощи слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

СОДЕРЖАНИЕ:

2 **«СВЯТЫМ ДУХОМ ВСЯКА ДУША ЖИВИТСЯ»**
Проповедь архиепископа Липецкого и Елецкого Никона

4 **НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО**
Келейные письма. Письмо двадцать первое

7 **ЕСЛИ ПАДЕШЬ СНОВА, КТО ЗНАЕТ - ВСТАНЕШЬ ЛИ?**
Святитель Феофан Затворник

9 **ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ**
Избранные главы

12 **ГРУБОСТЬЮ НИЧЕГО НЕ ДОБИТЬСЯ**
Из воспоминаний о старце Порфирии Кавсокаливите

13 **ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ**
Из ранних писем схиархимандрита Виталия

18 **ЕСЛИ БЫ ВСЕ БЫЛИ ТАКИМИ КАК ОН, ТО НА ЗЕМЛЕ НЕ БЫЛО БЫ НИ БЕД, НИ СКОРБЕЙ**
Слово архиепископа Липецкого и Елецкого Никона на отпевании почившего иеросхимонаха Феофана

21 **ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ**
Из бесед с кавказским пустынником «Об избавлении от злопамятности», ч. 9

25 **БЕЗПРИМЕРНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНИЦА**

28 **ИНОЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ**, ч. 8

30 **ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ**

31 **ДАНИЛКИНЫ ЖЕМЧУЖИНКИ**
Детская страничка

«Святым Духом всяка душа живится...»

Проповедь архиепископа Липецкого и Елецкого Никона.

Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь.
20 февраля 2011 г.

Апостольская Церковь, созиждемая Духом Святым, вновь призывает нас к подвигу молитвы и покаяния.

Сегодня в душе невольно звучат стихи 136-го псалма, который в преддверии Великого поста поется в церкви: *«На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом...»* Любое событие, описанное в Священном Писании, дорогие братья и сестры, имеет для нас не только историческую ценность, но и несет в себе особый духовно-таинственный смысл, который мы должны учитывать, рассматривая каждое движение своей души.

Когда иудеи жили в их родном Иерусалиме, то, забыв Истинного Бога, стали совершать жертвоприношения истуканам, родниться с язычниками, творить всякие непотребства. За это Господь попустил им испытания — вавилонский царь Навуходоносор завоевал Иерусалим и увел иудеев в плен, где они пробыли 70 долгих лет. Находясь в плену, евреи рыли оросительные каналы для поливки многоярусных садов Вавилона. Эти сады особо подчеркивали невероятную красоту города. Сами же жители Вавилона были развращены и избалованы зрелищами. Зная, что евреи прекрасно поют, вавилоняне просили их воспеть от песней Сионских. Но, повесив свои арфы на деревья, пленники только отвечали: *«Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя»* (Пс. 136, 4-5), — не было большей скорби для евреев, чем воспоминания о Сионе, о Иерусалиме, о Храме... Они горько плакали, осознавая, что были преданы в руки иноплеменников за отступление от Бога.

Тяжелыми были годы семидесятилетнего вавилонского плена. Но не легче было и нашим соотечественникам в течение 74 лет советского плена, когда о Боге, о Богослужении, о пении церковных гимнов даже думать запре-

щалось... Те, кто верил в Бога, подвергались общественному высмеиванию, порицанию и преследованию. В годы лихолетья люди забыли о воззвании Господа к Савлу (будущему апостолу Павлу), тогда еще — правоверному иудею и преследователю христиан. Однажды, тот отправился в Дамаск, с намерением причинить немало вреда Церкви, но на пути Господь воззвал к нему: *«Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он спросил: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь; трудно тебе идти против рожна»* (Деян. 9, 4-5). Ослепленный Божественным Светом, Савл потерял зрение, но вскоре, принял святое Крещение, прозрел, стал апостолом Христа и более всех потрудился в проповеди Евангелия....

Еще живы те люди, которые в советские времена гнали Церковь Христову. Тогда, подавляющее большинство наших соотечественников отвернулось от Господа, а потому, обличительные слова подвижников благочестия, да и речи простых верующих вызывали протест. «Зачем вы разрушаете храмы, зачем попираете святыню? Побойтесь Бога! — говорили гонителям Церкви. — Бог поругаем не бывает. Если вы собираетесь построить новое общество, то к чему разрушаете жизни людей? Зачем забираете в плен, расстреливаете, сажаете в тюрьмы и лагеря, уничтожаете верующих? Зачем вы идете против рожна?»

Мы знаем, что пришло время, и Господь освободил иудеев из плена. Навуходоносор — правитель Вавилона, был изгнан за то, что посмел присвоить себе славу Божию. Он оброс волосами, как лев, и стал питаться травою. Потребовались годы, чтобы он пришел в себя, образумился и воззвал к Живому Богу. Лишь тогда прежнее человеческое достоинство и царская власть вернулись к нему (Дан. 4, 26-30). Так, и в нашем отечестве период испытаний атеистическим режимом остался позади. Разрушительные последствия атеизма побудили многих задуматься о необходимости возрожде-

ния духовности в обществе, чтобы сохранить народ от уничтожения, а души человеческие от погибели. Как и иудеи, освободившиеся из вавилонского плена, мы все еще восстанавливаем разрушенные храмы на родной земле...

Сегодня нам опять необходимо идти в мир с миссионерской целью: чтобы донести слово Божие каждому человеку, особенно, сердцам детей и молодежи; чтобы слово об Истине, посеянное духовенством, дало рост в каждом молодом сознании, стоящем на пороге жизненного выбора. Но чтобы семя взошло и дало добрый плод, в сердце должна быть возделана благодатная почва — политая слезами покаяния, удобренная благочестивыми делами. Но мы сегодняшние — иные. Мы все — как выжженная пустыня — у нас нет даже малой доли слез сокрушения о своих грехах. А если и случаются слезы, то их причина кроется в обиде или злобе. Так чем же нам удобрять почву наших сердец? Добрыми делами? Мы говорим: «Пусть кто-нибудь другой делает эти добрые дела, а мне достаточно и того, что я натерпелся в этой жизни. Меня и сейчас теснят со всех сторон»... Просто мы теплохладны, мы спим.

Не думайте, что сеем только мы — священнослужители. Нет, есть и другие сеятели, о которых Господь говорит нам в Евангелии: «*Когда же люди спали, пришел враг... и посеял между пшеницею плевелы...*» (Мф. 13, 25). А мы все спим... Если бы мы бодрствовали как призывает нас к этому Господь! Он сказал: «*Бодрствуйте и молитесь, да не внидете в напасть*» (Мф. 26, 41). Если бы хоть один ночной час мы посвящали молитве — мы бы не погибли... Но мы не слышим и не принимаем эти слова: «Ну, это может быть нужно монахам, пусть они бодрствуют и молятся, а нам зачем?»...

И хотя сказано в Евангелии: «*Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и... все приложится вам*» (Мф. 6, 33), — мы же, как в древности, говорим: «Хотим хлеба и зрелищ». Но, если я все же христианин, то к вкушению какого хлеба я должен стремиться? К вкушению Хлеба Жизни, коим для нас является Господь. Он сказал: «*Приимите, ядите: сие есть Тело Мое* (Мф. 26, 26). *Я хлеб живый, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить во век*» (Ин. 6, 51). Мы же полагаем, что будем живы только хлебом насущным... А от изобилия яств нас тотчас же влечет на разные ристалища, зрелища, к увеселениям и утехам, которые только существуют в мире.

Мы, дорогие, сейчас свободны. Господь нас освободил от плена советской власти, как иудеев от плена вавилонского. История повторилась. Нашим дедам и отцам выпал жребий испытать ужас духовного «вавилонского плена». Но вспомните, приняли ли евреи после вавилонских испытаний Христа, пришедшего к ним во плоти? Нет. А в свою очередь, мы, получив возможность свободно исповедовать веру во Христа, откликаемся ли на призыв Бога последовать за Ним?

Все мы читаем святых отцов, слушаем проповеди священнослужителей в храмах, знаем Закон Божий, но почему-то спим. Нет в нас энергии сопротивления греху! Нет в нас движения к Жизни. Мы думаем: да пусть все идет своим чередом, лишь бы мне было что покушать, с кем повеселиться, отдохнуть. Да и как сейчас можно спасаться? И постепенно вовлекаемся в систему, которая приучает нас не бороться, а мириться с мерзостью запустения, впитывать грехи и пороки. И немалую роль в этом играет телевидение. А многие, быть может, руководствуются увиденным с экрана в своей жизни.

И таким образом, из одного плена мы попадаем в другой: там был плен советской идеологии, а здесь плен идеологии потребительства, вседозволенности, ложной свободы. Нашу волю снова порабощают, нашу душу ведут в погибель, опутав сетью всевозможных страстей, пороков, греховного наслаждения, мирских утех и разврата. Мы видим, что не идет у нас молитва, и приближение поста мы не встречаем с духовной радостью. Все наше существо находится в инертном состоянии, и нападает уныние: я не спасусь, да что мне эти молитвы, зачем мне все это нужно? Все равно не спасусь... Через отчаяние враг порабощает нас окончательно. Особенно когда настигает какой-нибудь недуг — болезнь физическая — уныние мгновенно, словно волна, накрывает нас. Так лукавый пугает ложной безысходностью. Мы забываем, что Господь является и Царем, и Врачом, и Вседержителем, забываем, что Богу все возможно.

Но нам, дорогие нужно бежать из этого плена! Пусть приходят и болезнь, и уныние, и страдания, и всяческие испытания. У нас есть Священное Писание. Читайте его, потому что словом Божиим мы исцеляемся. Благодать Святаго Духа снисходит на нас, помогает нам, что-бы мы духовно прозрели, подобно ослепшему Савлу. Ведь через Таинства Церкви ему был дан дар Духа Святаго, чтобы он прозрел и духовными очами мог уразумевать тайны Божии. Мы, как и Савл, осененные Духом Святым, увидим, что нам делать, куда идти, как восходить от силы в силу. Святым Духом всяка душа живится. Поэтому будем, дорогие братья и сестры, просить: «Господи, пусть нам воспоют на арфах песни Сионские, пусть Матерь Божия и святые угодники помогают нам освободиться от греховного плена, от власти духов злобы поднебесных. Господи, помоги нам очищаться покаянием и исповедью, духовно укрепляться, просвещаться и таинственно соединяться с Тобою в Таинстве Святой Евхаристии. Аминь».

Святитель Тихон Задонский

Келейные письма

Письмо двадцать первое

Два вопроса ты задал мне:

1) Что значит жить греху, и что — жить Богу?

2) Зачем мир (надо) презреть, если он ради нас создан? — на которые я тебе по силе моей отвечаю.

1) Знаешь ты, что мертвый человек не слышит, что бы ему ни говорилось и ни приказывалось, так и духовно мертвый не слушает и не внимает тому, что Ему Бог в слове Своем говорит, но делает только то, что похотливое сердце его хочет. Такой человек для Бога мертв, ибо живет не по Богу, но по своей злой воле, поскольку не то делает, что Бог хочет и велит, но что страстная плоть. Живет же греху, потому что грех, который в сердце живет, слушает и ему повинуется. Как и раб у того господина живет, которого слушает, и которому повинуется, и волю которого исполняет, так человек или Богу живет, когда Богу повинуется и волю Его творит, или греху живет, если греху повинуется и творит его.

Итак, всякий человек или Богу живет, или греху. Кто в истинном покаянии находится и заповеди Божии, в которых воля Божия изображена, исполняет, тот Богу живет, а кто в нераскаянии пребывает и грех творит, тот не Богу, но греху живет. Поэтому Богу живущий называется рабом Божиим, ибо служит Ему творением воли и заповедей Его, а живущий греху рабом греха называется, ибо делает то, что грех хочет, по Писанию: Всякий, делающий грех, есть раб греха (Ин. 8, 34). А невозможно и греху и Богу жить потому бывает, что Бог запрещает то, что грех или похоть греховная хочет и советует. Бог запрещает гневаться, злиться, мстить, блудодействовать, красть, злословить и прочее, но к тому похоть влечет. Итак, невозможно и похоть слушать и Бога, и похоти жить и Богу. Никто не может служить двум господам (Мф. 6, 24).

На второй вопрос отвечаю:

1) Что ни есть в мире этом, или дорогое, или красивое и приятное людям, то есть богатство, золото, серебро, убор, каменья дорогие, украшение строений, домов, коней, карет, платья, лиц, честь, слава, власть, и прочее, что очам и прочим чувствам и похоти приятно, все то преходяще и отходит от нас, как и сам мир, как апостол учит: Мир преходит, и похоть его (1 Ин. 2, 17). Во время смерти все оставляем, и не только то, что имеем, но и сам мир, и само тело оставляем, а отходим только душами отсюда, ничего с собой не относим. Зачем же о том стараться, что сегодня или завтра оставим?

2) Всякий человек, живущий на земле, есть путник. На путь жизни сей всходит, когда рождается; оканчивает же путь сей, когда умирает. Зачем же ему искать многого и обременять себя излишним попечением? А естество малым довольствуется. Естество наше пищи, одеяния, питья, дома и прочих нужных вещей требует, а не украшения и сласти. Похоть ищет богатства, украшения и сласти, а естество нужным только — пищей и одеянием довольствуется, как учит апостол: Мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем (1 Тим. 6, 7-8).

Видишь, чему учит апостол: и в мир ничего не вносим, и из мира ничего не выносим. И на самом деле мы видим, что нам только пища и одеяние нужно, а их Бог подает всякому по Своей благости. Зачем же путнику себя отягощать? Зачем искать то, что с собой из мира не вынесет? Видишь, что прельщаются миром те, которые много ищут в мире; прельщение же это они осознают, когда умирают, но уже поздно.

Итак, надобно ныне всякому, пока живет, осознавать обманчивость мирских благ и ничего в мире этом за дорогое не иметь, следовательно, и не гоняться ни за чем, и не прилепляться ни к чему. Ибо все в мире этом подобно пузырю, на воде являющемуся и исчезающему, или сновидению, или тени, и прочее. Одно только твердо, постоянно, непоколебимо и никогда от нас не отступит, — это то, что вечно. Того должно тщательно и неусыпно искать, а все временное как ничто иметь. Эту истину из вышеописанного видишь и лучше познаешь, когда будешь умирать. Только от сердца желаю, чтобы ты ныне познал.

3) Из вышеописанного видишь, что мы рождаемся и святым Крещением обновляемся не ради мира сего (иначе неисходно должны были бы в мире этом пребывать), но рождаемся и обновляемся ради перехода к будущей жизни. Погрешают же и заблуждаются те, которые здесь ищут чести, богатства и славы. Ибо таким своим попечением

показывают, что они мир сей за отечество имеют и как бы вовеки хотят здесь жить. Они подобны тем людям, которые, на малое некое время отъехав на чужую сторону, заводят там недвижимые вещи, например, дома, сады, пруды, и прочее, — все, что вынуждены бывают оставлять, возвращаясь в отечество свое, и без всего того в дом возвращаться. Так и мы на малое некое время в мир этот входим, как в чужую сторону, и исходим из него всякий в свое место: благочестивые в вечную жизнь, а нечестивые в вечную муку.

4) Адам, праотец наш, в раю был поселен Богом, и тогда был между Богом и созданием, между небом и землей. И когда по совету лукавого духа обратился к созданию и вкусил от заповеданного древа, тогда отступил от Создателя своего, и любовь, которую к Создателю своему должен был иметь, к созданию Его обратил, и так тяжко согрешил, и погиб. Так христианин, банею святого Крещения омытый и обновленный, поселен в Церкви Святой и пребывает между Богом и созданием, между небом и землей. Бог говорит всем христианам: Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей (1 Ин. 2, 15).

Христианин, когда обращается к миру и земному, отвращается от Бога и неба, и когда любит создания, отступает любовью от Создателя, и так сердцем своим отступает от Бога и прилепляется к созданию, и, как Адам, всегда руку свою простирает к заповеданному древу. Ибо мир сей нам, как Адаму древо заповеданное, к искушению нашему положен, к чему мы обратим сердце наше: к Богу или к миру. Когда к Богу обратим — от мира отвратим, и когда к миру обращаемся — от Бога отвращаемся. Ибо мир и Бога любить невозможно, как выше сказано: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Как Адаму не велел Бог вкушать от древа того, так и нам ныне говорит: Не любите мира, ни того, что в мире.

Итак, видишь, ради чего мы должны презреть мир, то есть, чтобы Бога нашего почтить; мир не любить, чтобы Бога возлюбить, создание оставить, чтобы Бога обрести, от создания отвратиться, чтобы к Богу обратиться. Ибо как не можем и к востоку и к западу, и к небу и к земле одновременно смотреть, так и к миру и к Богу прилепляться сердцем. Когда очи наши обращаем к земле, то отвращаем от неба, и когда обращаемся к западу, отвращаемся от востока, — так точно отвращаемся от Бога сердцем, когда любим мир, и когда к Богу сердечно обращаемся, тогда от мира отвращаемся. Одно из двух надобно всякому избрать. Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть (Мф. 6, 24).

5) Душа наша по образу Божию создана и, падшая, Кровью Христовой искуплена и святым Крещением обновлена!.. О, сколь велико благородство, достоинство и красота души! Кровь Христова за нее дана, и образ Божий носит в себе... Честнее неба и земли и всей твари одна душа человеческая.

О, любезная, безсмертная и великолепная красота, благородство, честь и достоинство души! Ниже Бога, как создание Его, и выше всей твари, так как образ Божий имеет в себе.

Такую благородную и высокопочтенную душу (о, горе нам, о, бедность и слепота наша!) порабощаем безчувственному и подлейшему созданию, когда сердцем нашим и любовью к нему обращаемся. Должно было, чтобы создание нам служило, на что и создано от Бога. Но напротив того делается. Мы созданию, низшему себе, служим, когда к нему сердцем обращаемся. Видишь, как неприлично и худо поступает человек, когда мир любит.

6) Человек, когда от Создателя к созданию обращается любовью, — отпадает от своего истинного блаженства и впадает в истинное окаянство и бедность. И как тот, который, оставив царя своего, любовью и дружбой к самым подлым рабам его прилепляется и делает сам себя безчестным и бедным, так грешник в безчестие и окаянство себя предает, если, оставив Бога, к твари прилепляется. О таковом поется, или даже с сожалением и плачем говорится: Человек, будучи в чести, не уразумел (сего), сравнялся с несмысленными скотами и уподобился им (Пс. 48, 13).

Ибо хотя и всякое создание хорошо, и весьма хорошо (Быт. 1, 31), однако же всякая доброта созданий от Бога, как от источника, происходит, как и сами создания; и доброта, которая во всех созданиях есть, та несравненным, лучшим и превосходным образом в Создателе имеется; к тому же, все создания, как и сам человек, ничто пред Богом. От Бога как бытие, так и силу свою, и доброту свою, как тень от дерева, имеют, и до той поры пребывают и сохраняются, пока воля Божия хочет и всемогущая Его сила сохраняет их. Поэтому, когда человек от Бога к созданию обращается, — избирает вместо совершенного добра то, что по сути ничто, и так избирает вместо совершенного блаженства совершенное окаянство и злополучие свое, и сам себя бедным и окаянным делает.

7) Душа человеческая есть дух. Поэтому ничем иным, как только единым Богом удовольствоваться не может, будучи создана по образу Божию (Бог же есть Дух). От Бога произошла — Богом и довольствуется. Нет такой вещи, которой бы удовольствоваться могла, кроме Бога. Всякая вещь в своем месте упокоевается: тело на земле, как от земли взятое, воздух к воздуху идет, огонь в высоту стремится, птица на дереве, рыба в воде упокоение себе имеет; душа же, будучи духом (и образом Божиим), в своем первообразе — Боге.

Солнце, луна, звезды и все небо хороши и прекрасны, но тело увеселяют. Земля со всеми плодами и украшением своим хороша, но тело довольствует. Вода хороша, но тело прохлаждает. Сладко пение птиц, но для тела сладко. Приятна музыка, но телу приятна. Пища и питье хорошо, но то и другое тело насыщает и прохлаждает. Так и о прочих созданиях разумей.

Но души никакое создание удовольствовать, насытить, прохладить, утешить и возвеселить не может. Есть иной покой, которым упокоевается, есть пища, которой питается, есть питье, которым прохлаждается, есть свет, которым просвещается, есть красота, которой увеселяется, есть центр, к которому стремится и, достигнув того, ничего более не ищет. Бог и Божественная Его благодать — для души все: покой, пища, питье, свет, слава, честь, богатство, утешение, радость, веселье и все блаженство, которым тогда удовольствуется, когда отыщет Его. И чем более ныне ищет Его, тем более желает Его, и до тех пор будет желать и желаемого искать, пока лицом к лицу не увидит. И тогда чем более будет пить от сего живого и приснотекущего Источника, тем более будет жаждать Его, без болезни и сытости, через всю вечность. Ибо Бог чем более видится, тем более желается.

Отсюда бывает, что души, духовно печальной, ничто не может утешить, кроме Бога и святого слова Его. А из того, что миром этим душа удовольствоваться не может, можно познать, что миролюбцы чем более здесь ищут сокровищ своих, тем более желают их и насытиться не могут. Сребролюбцу недостаточно никакого богатства: чем более собирает его, тем более желает. Желающие чести чем более возвышаются, тем выше подняться хотят, так что многие, не довольствуясь высоким царским титулом, богами себя повелевали называть, как читаем в историях о царях-язычниках. Любители роскоши и сластолюбцы сколько выдумывают прихотей к удовольствию своему, сколько брашен и напитков приятных и прочего, известно всякому, но удовольствовать себя и души своей не могут. Причина этому в том, что хотят душу свою удовольствовать тем, чем она не удовольствуется. Ибо дух есть безсмертный, и потому не тленным и смертным веществом, но живым и безсмертным Божеством удовольствуется.

Так бедный человек, потеряв живой воды Источник, Бога, копает мутные кладези в созданиях и от них ищет для своей души прохлаждения! Но копай, копай сколько хочешь, бедная душа, кладезей этих, жажды твоей от них не утолишь, еще и еще будешь жаждать. Знаешь ли где отыскать живую воду? Слушай, вот призывает к Себе живой Источник: Кто жаждет, иди ко Мне и пей (Ин. 7, 37); и еще: Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную (Ин. 4, 14). От этого Источника черпает душа и прохлаждается, напаивается и увеселяется, так что не будет жаждать вовек.

8) Известно то, что мир ради человека сотворен, но все вещи в мире — как следы Божии, и свидетельствуют человеку о Боге; и как ручьи, ведут человека к живому и жизни Источнику, и показывают Его, и от Него черпать и прохлаждать души наши учат. Кто же захотел бы из ручьев пить, видя сам живой источник?

Хороши создания, и хороши весьма, но несравненно лучше Создатель, Который их хорошими сотворил. Создания благость и любовь Божию к нам показывают и учат нас Бога любить, хвалить и благодарить, как Создателя и Благодетеля своего. Не себя они убеждают любить, но как бы так нам говорят: мы к пользе вашей и употреблению сотворены Создателем, Того любите, Который нас ради вас сотворил, а не нас, которые вас любить не можем, и нас к пользе своей употребляя, благодарите Того, Который нас вам подал. Он любит вас и, ради любви Своей к вам, нас ради вас создал. Любите же Возлюбившего вас и Сотворившего нас для вас. Благодетеля должно любить, а не благодеяние, и Дающего, а не дарование. Благодеяние должно помнить и, помня, благодарить Благодетеля.

9) Человек, как выше сказано, рождается не ради мира сего, но ради перехода на тот век, и потому в мире этом — странник и путник. Поэтому все в мире этом употреблять должен по необходимости, а не для похоти, должен нужду и требование плоти исполнять, а не похоти угождать. Потому и написано: Попечения о плоти не превращайте в похоти (Рим. 13, 14).

Пищи, одеяния, покоя или дома довольно для него, как странника и путника, а когда стремится обогатиться, почитаться, прославляться, веселиться, и наслаждаться в мире этом, — это похоти, а не нужды дело. Странствующий к отечеству и дому своему ничего в мире не любит, как выше сказано, кроме Бога, Создателя и Благодетеля своего, и ради Бога подобного себе человека, и всегда к небесному отечеству, для которого создан и позван, ум и сердце свое возводит, как путник к цели своей. Так, где сокровище его, там будет и сердце его (Мф. 6, 21). Когда в этой мысли всегда находиться будет, непременно не пожелает ничего в мире этом, кроме Бога и вечной жизни, которая во Христе сокровенна и в Слове Божием обещана.

10) Надобно душе, как произошла от Бога, так и возвратиться к Богу без любви мира сего. Примечай это, берегись мира и изыди от него, как Лот из Содома.

Спасайся.

Святитель Феофан Затворник

ЕСЛИ ПАДЕШЬ СНОВА, КТО ЗНАЕТ – ВСТАНЕШЬ ЛИ? ЕСТЬ МЕРА ДОЛГОТЕРПЕНИЮ БОЖИЮ

Се, здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет (Ср.: Ин. 5, 14), — сказал Господь расслабленному по исцелении его. Сей же утешительный и вразумительный глас и мы все слышали, когда на Исповеди получили разрешение во грехах своих. Теперь всем покаявшимся и разрешенным возвращено здравие душевное, и все пришли в свой порядок и чин. Что прочее требуется? Требуется блюстись, чтоб опять не впасть в ту же беду. Бросил грех — не возвращайся на него. Получил помилование — не подвергайся опять гневу и осуждению. Вступил на правый путь — не уклоняйся с него. Снова будет враг влечь тебя в свою область тьмы — не поддавайся. Будет он ухитряться, чтоб отуманить тебя льстивыми обещаниями, — не вдавайся в обман. Знаешь, как зол грех; знаешь, как трудно одолеть его, — не входи же снова в содружество с ним. Помог тебе Господь, встал ты — стой же и мужайся, и да крепится сердце твое.

Враг будет нашептывать тебе: «Падешь, опять встанешь». А ты противопоставь ему свою речь: «Встал я теперь, благодарение Господу! Но, если снова паду, не могу сказать, встану ли. В руках же падения навсегда оставаться не хочу, не хочу быть рабом греха и жертвою геенского пламени». Так отражай лесть врага. И сим страхом нового падения в грехи отрезвляй душу свою и воодушевляй ее на шествие путем начатого самоисправления.

Утверди ты в себе то очень вероятное помышление, что, если падешь снова, кто знает — встанешь ли? А останешься в падении — погибнешь. Враг будет сбивать уверением, что Господь милосерд. Помиловал, и опять помилует. Точно, милосерд Господь; но сей милости Его к нам есть мера. Есть мера долготерпению Божию. Прощает-прощает, а наконец видя, что грешник все снова отдается греху, совсем оставляет его в руки падения его. Разверните Книгу пророка Амоса и начинайте читать. В 1-й и 2-й главах изображаются у него суды Божии на Дамаск, Газу, Идумею, на иудеев, израильтян и другие народы. Ко всем им одинаково слово Господне. «Раз, два и три согрешил Дамаск; прощал Я его. Когда же теперь и в четвертый раз он оказал свое нечестие, не отвращусь ли его?» (См.: Ам. 1, 3-5). Отвращался и посылал наказание. «Раз, два и три прощал Я Газу; в четвертый не отвращусь ли ее?» (См.: Ам. 1, 6-7). Отвращался и посылал казнь. «Раз, два и три щадил Я иудеев и израильтян; в четвертый не отвращусь ли их?» (См.: Ам. 2, 4-16). Отвращался и наказывал. Так бывает и с нами. Согрешит кто и покается, простит Господь. Еще согрешит и покается, еще простит. И еще простит. И еще простит. Наконец видя, что у нас все то же и то же, полагает такое решение: «Столько и столько прощал; если и еще то же начнет делать, отвращусь от него». Сей-то суд и да напишет в сердце своем всякий, опять влекомый на грех. Прощал Господь доселе; а теперь, если падешь, — страшись, не отвратился бы Он от тебя вконец. Фараону сколько раз прощал Бог его упорство? Наконец бросил его и сделал распоряжение о выходе израильтян, не дожидаясь его согласия. И хоть потом опомнился фараон и поспешно приказывал: «Подите скажите, чтоб скорее выходили», это не помогло ему и суда о нем Божия не отвратило. Так и ко всякому может истощиться наконец Божие милосердие. И то наипаче страшно, что мы не можем сказать, когда именно ударит час сего истощания. То отвержение Божие по четвертом преступлении, что значится у пророка Амоса, и эта казнь фараону после десятикратного противления Богу не означают, что можно спокойно предаваться в узы греха, с нарушением обета до двух и трех раз; а показывают только, что есть предел милованию Божию; когда же он застигнет кого, неведомо. Утверди лучше в мысли твоей, что для тебя он последует тотчас после падения, которому готов ты предаться, и тем отрезвляй мысль свою и придавай мужества сердцу на сопротивление возникающим порывам. Приводи себе на память несчастие Сампсона. Однажды и дважды входила в него сила разорвать узы, которыми опутывали его филистимляне по предательству Далилы; но и в последний раз, когда острижены были волосы его, он не ожидал, чтоб не пришла к нему та же сила, а вышло иначе. Отступил от него Господь и предал его в руки врагов его. Сам же Сампсон и не думал, что уже постигло его Божие отступление: напротив, проснувшись, говорил: *изыду, якоже и прежде, и отрясуся,*

то есть стряхну эти узы, — *и не разуме, яко Господь отступи от него* (Ср.: Суд. 16, 20). Вот и народ иудейский миловал-миловал Господь, а наконец что изрек? *Се, оставляется вам дом ваш пуст* (Мф. 23,38). Но ни первосвященники, ни старцы, ни книжники и никто другой думать не думали, что уже постигло их сие грозное определение.

Сего-то грозного суда бойся, когда начнет тебя снова влечь грех. Бойся, чтоб и о тебе не сказал наконец Господь: се, оставляется дом твой пуст. Милостив Господь ко всем грешникам и с клятвою уверяет, что не хочет смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему (Ср.: Иез. 33, 11). Но ты сам частыми своими падениями доведешь себя до того, что с тобою ничего нельзя будет сделать. Восстание от падений есть то же, что починка платья, или дома, или другой какой вещи. Бывает же так, что иную вещь чинят-чинят, а наконец бросают; оттого, что уж и чинить ее нельзя, не к чему рук приложить. То же может случиться и с душою. Исправляет ее Господь, исправляет, а наконец совсем бросает; оттого, что своими частыми падениями она наконец так расстраивает себя, что ее и поправить нельзя. Ибо на чем основывается возможность восстания нашего? На добре, в нас остающемся, несмотря на то что работаем мы греху. На сие добро нисходит благодать, оживляет его и дает ему перевес над злом. И встает человек. Но каждое новое падение все более и более снедает наше добро, после каждого падения все менее и менее остается его в нас, и, следовательно, менее и менее остается места, куда низойти может благодать, чтоб восставить нас. Что дивного, если наконец и все свое добро истратим мы в рабстве греху; и потеряем, таким образом, возможность восстания. Не останется для нас никаких к тому средств.

Припомните, как опомнились вы в последний раз и встали. Пришли спасительные помышления и отрезвили. Или страх смерти и Суда, или пагубность греха, или стыд пред Господом Спасителем, или другое что сильно подействовало на душу, поразило ее. Душа пришла в себя и при помощи Божией бросила грех, покаялась и стоит теперь в намерении не оскорблять более Бога грехопадениями. Если же снова падете вы в грех, то какими потом мыслями потрясете вы себя, когда уже все, могущие потрясать, перепробованы и свою потрясающую для вас силу истратили на теперешнее ваше восстание? Для следующего возбуждения вас силы в них не осталось. С спасительными помышлениями бывает то же, что с лекарствами. Как от частого употребления лекарств в теле притупляется чувствительность к ним, так и в отношении к потрясающим и возбуждающим истинам душа теряет наконец всякое чувство. Ни угрозы, ни обещания, ни смерть, ни ад, ни рай, ни яд и горечь греха — ничто не поражает и не приводит в движение души. Она сделается, как камень. И что же тогда с нею будет? То же, что присуждает Апостол земле, пившей множицею сходивший на нее дождь и износившей одни терния и волчцы: *непотребна есть, клятвы близ, еяже кончина в пожжение* (Ср.: Евр. 6, 8).

Приложите к сему, что частое падение в грех образует привычку грешить, которая вяжет бедную душу и тирански держит ее в рабстве у себя. Пусть даже один грех обратится в привычку, он всю душу пленяет и во всей мучительски властвует. Посмотрите, что делает паук с своею добычею? Часть за частию опутывает у ней тонкою паутиною, пока запутает ее всю; после чего она хоть делает еще некоторые движения, но они безсильны освободить ее. Так и грех, к коему частым падением привыкает человек, силу за силою в нем проникает, пока исполнит собою и душу, и тело и на все отправления их наложит узы рабства себе. Хоть потом и приходит иногда человеку на мысль бросить свой грех; но душа, видя как многоплетенно запуталась в нем, не решается поднять руки, чтоб распутаться, и предается совсем безнадежию одолеть грех, как пишет Апостол о язычниках, что они *в нечаяние*[1] *вложшеся, предаша себя студодеянию*[2], *в делание всякие нечистоты в лихоимании* (Ср.: Еф. 4, 19); и как евреи, заморенные рабством египетским, даже тогда, как от лица Божия принес им Моисей обещание свободы, не верили, чтоб это могло совершиться.

Итак, покаявшиеся и вступившие в добрый путь, бойтесь снова впасть в грех. Увидьте сквозь прелесть греха, покушающегося снова увлечь вас, решительную свою пагубу. Не смотрите на него легко, а как на пропасть зияющую, на ад отверстый и готовый поглотить вас безвозвратно. И опасением такой горькой участи отрезвляйте свою мысль и чувства сердца отвращайте от греха. Борьба, конечно, неизбежна. Но стоящему легче бороться, чем падшему. Встали? Стойте же и боритесь. Господь будет вам Помощник. День ото дня все легче будет становиться борьба. Наконец она и совсем стихнет. Добро возьмет преобладающий верх — и потечет ваша жизнь мирно, путем богоугодного доброделания, и приведет вас к блаженному исходу отселе в вечные, райские обители. А если снова падете, опять пойдет смятение мыслей и чувств, опять мрак и томление, опять страхи и мучения совести, опять туга и всякое нестроение. Начнете опять маяться в рабстве греху, и, может быть, без конца; и, промучившись здесь, вержены будете в нескончаемые муки по смерти, в грехах неоплаканных и неисправленных.

Господь, давший вам возникнуть от диавольской сети, *Той да совершит вы, да утвердит, да укрепит, да оснует* (Пет. 5, 10). И будет так, если и вы сами будете трезвиться и бодрствовать, ведая, что супостат наш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити (Ср.: 1 Пет. 5, 8). Аминь.

---

[1] Нечаяние — безчувствие.

[2] Студодеянию — распутству.

Толкование на Евангелие от Матфея

Избранные главы

Аще отпущаете человеком... отпустит и вам Отец Небесный... Да не явишися постяся... Скрывайте себе сокровище на Небеси...

(глава 6, зачало 17)

Ничего нет Богу противнее злопамятства. Царство Божие есть царство мира и смирения, царство единодушия и братской любви. Может ли быть принят в это Царство человек гордый и злопамятный? Очевидно, что для такого приличнее место во аде. Вот почему Спаситель, преподав образец молитвы, еще раз настойчиво указывает, что отпущение наших грехов зависит от нас самих, что суд Божий над нами состоит в нашей же власти: ***аще бо отпущаете человеком согрешения их***, их проступки против нас, ***отпустит и вам Отец ваш Небесный***. «Таким образом, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — Спаситель тебя самого, виновного, делает судьей над самим собой, и как бы так говорит: какой ты сам произнесешь о себе суд, такой же суд и Я произнесу о тебе. Если простишь своему собрату, то и от Меня получишь тоже благодеяние, хотя Мое тебе благодеяние будет на самом деле несравненно важнее твоего. Ты прощаешь другому потому, что сам имеешь нужду в прощении, а Бог прощает, ни в чем не имея нужды; ты прощаешь брату, а Бог — рабу; ты виновен в безчисленных грехах, а Бог безгрешен».

«Неоплатны долги наши, — говорит святитель Филарет Московский, — но какой легкий договор нам о них предлагается! *Аще отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный*. ***Аще ли не отпущаете человеком согрешения их***,— глаголет Господь, — ***ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших***. «И опять Господь упомянул об Отце Небесном, чтобы пристыдить слушателя, — замечает святитель Златоуст. — Чтобы быть сыном Божиим, нужна не только благодать, но и дела. А ничто так не уподобляет нас Богу, как то, когда мы прощаем людей злых, которые обижают нас. Итак, какого будут достойны наказания те, которые не только сами не прощают, но и Бога просят об отмщении врагам, тогда как Бог все делает и устрояет для того, чтобы нам не враждовать между собой? Корень всякого добра есть любовь; поэтому-то Он и уничтожает все, что может вредить любви. Подлинно, совершенно никто — ни отец, ни мать, ни друг, ни другой кто-либо — не любит нас столько, сколько сотворивший нас Бог. Желая, чтобы мы освободились от многих и великих грехов, Бог и предложил нам путь краткий, легкий и удобный. Ибо какой труд простить оскорбившему? Не прощение, но хранение вражды составляет труд. Напротив, освободиться от гнева и легко, и это же доставляет спокойствие».

Итак, проси у Бога прощения своих грехов, но чтобы молитва твоя легче и свободнее возносилась к Богу, дай ей крылья; одно крыло это и есть милостыня, милосердие; любовь даже ко врагам; другое крыло — это пост. Кто искренно скорбит душой о своих грехах, тому не придет на ум и пища. Вот почему покаяние неразлучно с постом. Сама скорбящая, кающаяся душа требует поста. «*Тело тленное отягощает душу*» (Прем. Сол. 9, 15), — говорит премудрый Соломон. Адам и в раю постился: Бог запретил ему вкушать от древа познания добра и зла; он не употреблял в пищу ни мяса, ни рыбы, питался только пищей от плодов райских. Значит, и в раю, даже для невинного человека, был нужен пост, чтобы быть ближе к Богу. Тем более он стал нужен для человека, который был поврежден и удален от Бога грехом. И мы знаем, что постилась и Матерь Божия, постился великий Предтеча Христов Иоанн, постились Боговидцы — пророки Моисей и Илия, постились апостолы и все святые Божии, как в Ветхом, так и в Новом Завете. После этого — нам ли не нужен пост? Когда апостолы спросили Господа, почему они не могли изгнать немого и глухого беса, Он ответил им: *сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста* (Мк. 9, 29).

«Видите, — говорит святитель Филарет, — как велика сила поста, соединенного с молитвой? Если апостолам он нужен, то нам не нужен ли? Чудотворцам он помогает, можем ли мы пренебрегать его помощью? Победе над мучительным духом зла он содействует; не более ли будет способствовать укрощению плоти, воюющей на духа?» Поэтому-то Сам Христос оставил нам *образ*, пример поста, — *да последуем стопам Его* (1 Пет. 2, 21). Посему-то Он и не отменил поста, а напротив, поставил его наряду с молитвой и милостыней, и дал правило, как должно поститься: ***егда же поститеся***, — говорит Он, — ***не будите якоже лицемеры сутующе***. Всякое доброе дело можно исказить, сделать богопротивным. Тщеславие может и у поста отнять цену в очах Божиих. Так и было с лицемерными фарисеями. О грехах своих они и не думали, вся забота была у них лишь о том, чтобы все люди видели, какие они святые; для этого они старались сделать лица свои унылыми и мрачными: ***помрачают бо лица своя, яко да явятся человеком постящеся***.

У иудеев был, как и теперь есть на Востоке, обычай из-за жаркого

климата часто омывать тело и умащать голову маслом: фарисей, когда постились, не умывались, не расчесывали волос, не умащались маслом, ходили в разодранных и нечистых одеждах и посыпали голову пеплом. И все это только для того, чтобы обмануть и Бога, и людей. Конечно, люди иногда и обманывались, ублажали таких лицемеров-постников, но Бога не обманешь: ***аминь глаголю вам***, — говорит Сердцеведец, — ***яко восприемлют мзду свою***, получают награду свою от людей, и потому им нечего ждать себе награды от Бога.

С глубокой скорбью говорит святитель Иоанн Златоуст, что и между христианами бывают такие постники-лицемеры, а некоторые даже и хуже таких. «При таких словах Христовых, — сетует святитель Божий, — прилично нам тяжко воссте́нать и горько восплакать. Мы не только подражаем лицемерам, но и превзошли их. Я знаю, знаю многих, которые не только когда постятся, обнаруживают это перед людьми, но и совсем не постясь, — принимают на себя лица постящихся и становятся хуже лицемеров!»

Ты же постяся, помажи главу твою, и лице твое умый, старайся никому не показывать вида, что ты постишься; ничем не отличайся по наружности от того, кто не постится, ***яко да не явишися человеком постяся***, чтобы люди и не подозревали о том, что ты постишься, ***но*** являй себя постящимся только ***Отцу твоему*** Небесному, ***Иже в тайне***, Который видит все сокровенное. «Словами, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — *помажь голову твою*, Господь не заповедал, чтобы мы непременно намащали себя, не это повелел Он. У древних был обычай помазывать себя во время радости и веселия, как это видно из примера Давида и Даниила. И Христос заповедует этими словами только всячески скрывать свой пост. То, что это именно так должно понимать, Он показал самым делом, когда, постившись сорок дней и постившись втайне, не помазывал головы и не умывал лица, и все это совершал без всякого тщеславия. Это самое Он и нам заповедует. То, что есть тяжкого в посте, лежит и на нас, и на лицемерах, ибо и они постятся. А самое легкое дело, т.е. трудиться для того, чтобы не потерять награды, составляет Мою заповедь, — говорит Спаситель. — Впрочем, если желаешь показаться людям, то подожди: Я и это тебе доставлю во всей полноте и с пользой для тебя». Знай, что смиренный пост — дело, Богу угодное, которое не останется без награды: ***и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве***.

«Подумай: ты обижаешь и самую добродетель, — говорит тот же вселенский учитель, — когда исполняешь ее не для нее самой, но для какого-нибудь веревочника, кузнеца или толпы торгашей. И мы ставим себе в обиду, когда нас любят не из-за нас самих, но для других. Точно так же рассуждай и о добродетели: не для других люби ее, не для людей повинуйся Богу, но для Бога — людям. Если же поступаешь иначе, то хотя, по-видимому, и любишь добродетель, но раздражаешь Бога наравне с тем, кто совсем не следует ей».

«Подвизайся, — говорит святитель Филарет Московский, — делай добро, служи Богу; но берегись, чтобы твоих подвигов, твоих добродетелей, твоего благочестия не обнаруживать перед людьми без нужды, произвольно, самовольно, тщеславно». Добродетель — небесной природы: пусть она будет тайной для земли. Совершай ее втайне; пусть ее видит только Бог. Так и поступали святые угодники Божии. Они строго соблюдали пост, но всячески старались укрыть эту добродетель от взоров людских. Так преподобный Силуан не отказался немного вкусить пищи в монастыре, куда зашел он со своим учеником Захарием по пути, но когда они вышли из монастыря, и Захарий, увидев воду на дороге, хотел напиться, то старец сказал ему: «Захарий, ныне пост». «А разве мы, отец, сегодня не ели?» — спросил ученик. «Ели, — отвечал старец, — но то было дело любви, а теперь, сын мой, мы должны соблюсти пост свой»... Преподобный Сысой дозволял себе иногда вкушать пищу не во время ради гостей, но за такое вкушение потом наказывал себя тем, что совсем не ел пот несколько дней...

Все, что сказано о посте, можно сказать и о всех добродетелях: их должно всячески прикрывать смирением. Преподобный Силуан говаривал: «горе человеку, имя которого знаменитее дел его». Нужно всегда с опасением помнить, как говорит преподобный Иоанн Лествичник, что «скверное тщеславие научает нас принимать образ такой добродетели, которой нет в нас, побуждая к нему словами Евангелия: *тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела* (Мф. 5, 16)». Но Спаситель говорит здесь о делах истинно добрых, а не лицемерных; истинно добрые дела, как ни скрывай их, сами выйдут наружу, хотя бы ты вовсе не желал этого; и когда они станут людям известны, направь их во славу Божию, *да прославят* люди *Отца Небеснаго*, Который дает нам и силы, и средства творить такие добрые дела. А тщеславный все творит — *да прославится* сам пред человеки. Блаженный Феофилакт говорит, что под елеем можно разуметь также и милостыню, а под главой нашей Христа, Которого должно умащать милостынями. А лицо умывать — значит душу очищать и чувства омывать слезами.

Тщеславие есть мать любостяжания. Чтобы выказать себя пред другими, люди заботятся, как бы побольше собрать богатства; вот почему Спаситель, после того как исцелил болезнь тщеславия, говорит о нелюбостяжании: ***не скрывайте***, не собирайте, не копите ***себе*** никаких ***сокровищ на земли***: ни злата, ни серебра, ни роскошных одежд, ни дорогих камней; все эти богатства непрочны, обманчивы: ***идеже***, т.е. здесь, на земле, ***червь и тля тлит*** — моль и ржавчина истребляют, ***и идеже татие*** — воры — ***подкопывают и крадут***. Сегодня ты владеешь

своими сокровищами, а завтра можешь лишиться их. «Подивись, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — неизреченной мудрости Христовой: не сказал, что другим их после себя оставишь, что нередко бывает приятно людям, но, к их ужасу, показывает, что они и этого не в силах сделать; хотя бы люди и не повредили их богатству, но всегда будут вредить ему моль и ржа. Неужели золото истребляется молью? Если моль не истребляет его, то — воры крадут. Ужели всех грабят? Если не всех, то, по крайней мере, многих». Итак, не прилагай сердца твоего к богатству тленному даже и тогда, когда оно само течет в руки твои. Не считай его своим; ведь оно и в самом деле не твое, а Божие; будь же только верным приставником в дому Божием. Слышишь, что говорит Небесный Домовладыка? ***Скрывайте же***, собирайте, копите ***себе сокровище*** добрых дел ***на Небеси, идеже ни червь, ни тля тлит, и идеже татие не подкопывают, не крадут***. Там ничто не пропадает и не портится; там все прочно, вечно; туда пересылайте свои тленные земные сокровища. «Поднимите, — говорит блаженный Августин, — свои плоды в "верхнюю", Небесную, житницу, где им не могут угрожать опасности, неизбежные в житнице "нижней", земной. Вы верите в Бога? Вы на Него надеетесь? Так почему же вы Ему не доверяете и не признаете, что все порученное Ему здесь, будет вами найдено там?» «Дай, — говорит святитель Афанасий Великий, — бедному и нищему то, что нужно ему, и найдешь все это целым, неоскверненным, неповрежденным на Небе».

«Чего страшишься ты, — вопрошает святитель Златоуст, — ужели истощится твое богатство, если подашь милостыню? Нет, подавай милостыню, и тогда оно не истощится, но еще преумножится, ибо к нему присовокупятся и блага Небесные».

«Червь и тля, — пишет один древний толкователь Священного Писания, — обозначают зародившуюся в душе тщеславную мысль, которая поедает тайно все наше душевное добро, а подкапывающиеся воры — это мирские похвалы, которые крадут у нас скрытые сокровища добродетели». Через похвалу человеческую враг-искуситель наш находит себе доступ к нашему сердцу, зараженному ядом греховного самоугождения, и возбуждает в нас сначала страсть тщеславия, а за ней и гордости, из-за которой пал с Неба сам. Некто из прозорливцев рассказывал преподобному Иоанну Лествичнику: «Когда я сидел в собрании братии, бес тщеславия и бес гордости пришли и сели около меня, по ту и другую сторону; и первый толкал меня в бок тщеславным перстом своим, побуждая рассказать о каком-нибудь моем видении или делании, которое я совершил в пустыне. Но как только я успел отразить его, сказав: *да возвратятся вспять и постыдятся мыслящии ми злая* (Пс. 39, 15), тотчас же сидевший по левую сторону говорит мне на ухо: *благо же, благо же* ты сотворил и стал велик, победив безстыднейшую матерь мою. Тогда я, обратившись к нему, произнес слова, следующие по порядку после сказанного мной стиха: *да возвратятся абие стыдящеся глаголющии ми: благо же благо же* сотворил еси». Преподобный Иоанн спросил этого прозорливца: «Почему тщеславие бывает матерью гордости?» и он отвечал ему: «Похвалы надмевают душу, когда же душа вознесется, тогда объемлет ее гордость, которая возводит до Небес и низводит до бездн».

Непрочно, обманчиво всякое земное сокровище; но если бы оно и прочно было, уже одно то, что люди прилепляются к нему всем сердцем и ради него забывают Бога, есть великое зло и бедствие для души. Почему?

«Потому что ты становишься тогда рабом земных твоих сокровищ», — говорит святой Златоуст. ***Идеже бо есть сокровище ваше***, где то, чего вы желаете, о чем заботитесь, что любите, ***ту*** — там ***будет и сердце ваше***, туда будут постоянно устремлены и взоры ваши, желания ваши, ибо где сердце человека, там и весь человек, вся судьба его. «Если, — говорит святитель Филарет Московский, — сокровище твое на земле, то не думай, чтобы сердце твое нашлось на Небеси — у Бога». «Немалый для тебя вред, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — если ты будешь прилеплен к земному, отпадешь от Небесного, будешь думать только о деньгах, о процентах, о долгах, о прибылях... Что может быть бедственнее этого? Сколько ни беседуй с тобой, имея ум, пригвожденный к богатству, ты не услышишь ничего полезного и необходимого для тебя». Твое сердце не тронется мольбами несчастных вдов и сирот; оно так же холодно, как металл, к которому прилепилось... Угрюмый и суровый, ты от всех сторонишься, всех подозреваешь, всего боишься...

Но не одно богатство может так завладеть сердцем человека: всякая страсть может сделаться его идолом, его «сокровищем», с которым ему жаль расстаться. Посмотрите на человека, для которого все сокровище сердца — это плотские греховные удовольствия. Его сердце отравлено ядом разврата, его воображение переполнено нечистотами греха: до того ли ему, чтобы думать о Боге, о Небе, о спасении души? Или вот человек, у которого вся душа занята заботой о почестях, наградах, отличиях, повышениях... Этот честолюбец готов унижаться до раболепства перед сильными мира сего, хитрит, лукавит, жертвует совестью и законом: он не остановится ни перед чем, лишь бы столкнуть ближнего, занять его место. Какое черствое, холодное сердце у этого человека! Придет ли ему на ум позаботиться о будущей жизни, о Царстве Небесном? Его царство, его сокровище — здесь, на земле, в почестях и отличиях земных. А где сокровище его, там и его сердце. Укажем еще пример. Вот женщина, которая всю свою жизнь отдает в жертву страсти к нарядам и убранствам. Нищий так не заботится о куске хлеба насущного, как она тревожится

о том, как бы одеться получше других, как бы кто-нибудь не перещеголял ее... А удалось это — в сердце уже подняла голову другая страсть — тщеславие... Когда ей заботиться о детях? Что ей за дело до того, что у мужа недостает средств на обновы для нее? И сколько огорчений, даже несчастий семейных бывает из-за этой пустейшей страсти к нарядам!... Найдется ли в сердце такой женщины место для Бога, для заботы о спасении души?... Но всех таких земных «сокровищ», всех греховных привязанностей, к которым склонно наше сердце, и не перечтешь: сколько грехов, столько и идолов, которым человек отдает свое сердце. А для Христова ученика должно быть только одно сокровище — Бог и святой закон Его. Если ты любишь Бога всем сердцем, всем помышлением твоим, то и все желания твои должны быть обращены к единому Богу. Живи и на земле только для Бога, потому что нигде ни в чем не может наше сердце найти мира и блаженства, кроме как у единого Бога. А Он обитает только в чистой совести, и Сам, Своей благодатью, приходит в наше сердце, но только тогда, когда там будет для Него место чистое, а не скверное...

Из воспоминаний о старце Порфирии Кавсокаливите

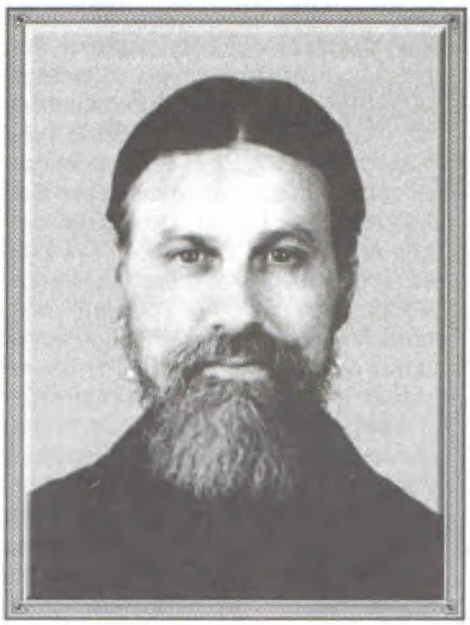
ГРУБОСТЬЮ НИЧЕГО НЕ ДОБИТЬСЯ

Один мой друг, как он сам мне по секрету рассказал, в жизни столкнулся с очень жестким к себе отношением со стороны людей, придерживающихся по некоторым вопросам крайних взглядов. В результате чего он был страшно унижен, и в его характере произошел какой-то надлом. Старец его успокоил, расставил все по своим местам, применив свой, всегда успешный, «душевный рентген». Он сказал ему: «Ты хороший человек, очень чувствительный, спокойный, ты — овечка Божия. Но когда к тебе начинают относиться грубо, ты замыкаешься и внутренне противодействуешь этому, тогда на тебя начинают сильно обижаться, тебя перестают понимать. Но когда к тебе относятся с добром, тогда ты проявляешь такие скрытые таланты, что все просто поражаются. Люди, которые тебя обидели и нанесли тебе рану, наверное, никогда не слышали старую сказку о ветре и солнце. Ветер и солнце поспорили, кто из них сильнее. Они условились: кому удастся снять тулуп с пастуха, который в это время поднимался в гору, тот и сильнее. Ветер начал дуть все сильнее и сильнее, надеясь сорвать тулуп. Но пастух лишь замерз и еще плотнее запахнул свой тулуп. Тогда из-за облаков вышло солнце, расточая вокруг приятное тепло и «благорастворение воздухов», пастух согрелся и снял свой тулуп. Тогда солнце сказало ветру: «Видел, кто из нас двоих сильнее?»

«Грубостью не приобретешь человека, — закончил свое повествование Старец Порфирий, — но только добротой».

ИСПОВЕДЬ И ВРАЖДА

Когда отец Порфирий был еще молод и здоров, он много исповедовал и, как милосердный отец, прощал людям все, что бы они ему ни говорили. Только в конце исповеди он задавал вопрос: «Ты ни на кого не держишь злобы?» И если человек говорил ему, что он ни на кого не держит никакого зла, Старец относился к нему с большой любовью. Если же кто-то говорил ему, что он в плохих отношениях с братом, или с невесткой, или еще с кем-нибудь, отец Порфирий начинал рассказывать ему о тайне прощения и о милости к ближнему. Ведь его проступок, каким бы большим он нам ни казался, на самом деле по сравнению с нашими собственными проступками пред Богом невелик. Однако, несмотря на это, Бог, принимая наше великодушное отношение к человеку, прощает и нам наши собственные безчисленные прегрешения. Будет страшным безумием, если человек попадет в вечную муку из-за того, что он не желает оставить свою вражду и неприязнь к такому же, исполненному многими страстями, как и он, своему ближнему.



Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Духовное наследие

Из ранних писем схиархимандрита Виталия

Ранние письма о. Виталия – наиболее ценное «злато» из духовной сокровищницы Старца. Ведь этот период пути Батюшки – особый. Это – время его сугубых монашеских подвигов; время обильного напитывания души «соками жизни» от блаженного общения с духоносными наставниками и чтения святых отцов; время духовного роста, расцвета и созревания.

И, конечно же, как добрый пастырь, все свои приобретения Батюшка старался передать духовным детям...*

Мир вам и спасение от Господа, возлюбленные и Богом хранимые сестры Ю., М., со сродниками вашими и близкими!

Получил ваше письмо и всегда получал благодеяния ваши, но по грехам моим не мог писать. Ныне вашими святыми молитвами и верою любви вашего сердца, помощию Божиею и Царицы Небесныя, молитвами всех святых Иверских в сих благословенных местах нахожусь, в великом заступничестве святаго благоверного князя Александра Невского и всех святых отец наших, отвечаю скорбным сердцам вашим.

Как не знаю, что рещи и что возглаголати, выписываю изречения иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого. По милостии Божией уже побывал в долине Колхида. Это место – побережье Черного моря: Илори, Очамчира и прочее местоположение. А теперь люблю Кахетию, впрочем, не по моей воле есть сие, но рука Божия сия соделывает.

Если бы смирялись, каялись, никого не судили, себя укоряли, особенно ты, сестра Р., то могли бы послужить больному, а теперь – да будет воля Божия.

Теперь преклоните ушеса ваши к слову Божию, возвещенному Златоустом.

Сегодня возвестил нам Христос о подвигах самарянки, – и нашему скудному слову приходится пуститься в море ее добродетелей. Взирая на ее веру, я хочу посвятить ей похвальное слово и вместе с вами восхвалить ее – бедную и вместе богатую, блудницу и апостола, погибшую и верную, имевшую многих мужей и получившую много сил, многих осквернившую и Единородному Слову Божию послужившую, оскверненную и очищенную, возжаждавшую и возжелавшую живой воды и унаследовавшую благодать небесных источников.

Что же говорит евангелист Иоанн, возгремевший об этих неизреченных тайнах? «*Итак приходит Он в город Самарийский, называемый Сихарь, близ участка земли, данного Иаковом сыну своему Иосифу. Там был колодезь Иаковлев. Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа. Приходит женщина из Самарии почерпнуть воды. Иисус говорит ей: дай Мне пить. Ибо ученики Его отлучились в город купить пищи*» (Ин. 4, 5-8). «*Иисус, утрудившись*». Как же говорит пророк Исаия: «*Вечный Господь Бог не утомляется и не изнемогает? разум Его неисследим*» (Ис. 40, 28)? Между тем и евангелист Матфей в своем Евангелии о Нем пишет: «*и, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал*» (Мф. 4, 2), и евангелист Иоанн, как ты только что слышал, говорит: «*Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа*». Один говорит, что Он взалкал, а другой приписывает Ему и усталость. А пророк Исаия, вещая Духом Святым, ясно говорит: «*Вечный Господь Бог не утомляется и не изнемогает? разум Его неисследим*» (Ис. 40, 28). Нет ли здесь противоречия между Евангелиями и пророчеством? Конечно, нет. Ни пророк не погрешил – да не будет! – ни апостолы не написали противного Духу Святому и пророчеству. Но дело в том, что домостроительство Спасителя нашего, великого Бога, имеет характер несколько двойственный и необычный – я разумею соединение в Нем божества и человечества, согласно Его воле и решению, и вот пророк возвещает могущество и величие Его божества, а апостолы и евангелисты изображают истинное Его домостроительство по плоти.

---

* Нижеприведенные письма взяты с тетрадного списка (примерно 1950-1960-х годов), имеющего ряд смысловых неясностей – вследствие ошибок, допущенных при переписывании с писем-оригиналов. В тетради изречения святых отцов приводятся без кавычек – возможно, в соответствии с оригиналами писем о. Виталия. При наборе цитаты обозначены условно (*прим. ред.*).

Итак, *«Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа. Приходит женщина из Самарии почерпнуть воды. Иисус говорит ей: дай Мне пить. Ибо ученики Его отлучились в город купить пищи. Женщина Самарянская говорит Ему: как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки?»* (ст. 6-9). Здесь необходимо, возлюбленные, исследовать, почему евангелист указал и место, где это происходило, и час, – и отсутствие учеников: место – в словах: *«сел у колодезя»*, час: *«было около шестого часа»*, а отсутствие учеников – замечанием, что *«ученики Его отлучились в город купить пищи»*. Почему же указал он место? Сейчас объясню. Христос имел в виду духовную ловлю; с этой целью Он и пришел туда, где Ему предстояла добыча. Знаешь, как делают рыбаки? Не на всяком месте в море закидывают они сети, а на таком, о котором они уже знают, что там водится рыба. Ведь в море есть много мест, которые преимущественно пред другими доставляют пищу рыбе. Так и Господь наш Иисус Христос, великий Бог – по пророчеству, знал как Бог, что здесь может Он встретить добычу, т.е. эту женщину самарянку. Именно как рыбаки выбирают те места, где надеются поймать рыбу, так и Христос пришел на то место, где мог Он поймать самарянку и через нее сделать великий улов людей. Вот, как объясняется причина, почему евангелистом указано место.

Почему же указал он и час? Ведь он говорит: *«Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа»*. А вот слушай теперь и о времени. Самарянка была, очевидно, из бедных и снискивала себе пропитание постоянным трудом, – из бедных по телу и по имуществу, но не по благочестию души. Стоя у станка, она усердно занималась работой, которой и кормилась. В шестом же часу, когда все предавались отдыху, она, взявши водонос, носила воду. Всеведущий Господь знал, конечно, что то время, которым все пользуются для отдыха, она употребляет для ношения воды, отказываясь от отдыха. Поэтому в шестой именно час пришел Он сюда, зная, что в это именно время она приходит за водой и может для него послужить духовной добычей.

Для чего, наконец, отослал Господь Своих учеников? *«Ученики Его,* – говорит Евангелие, – *отлучились в город купить пищи»*. Эта бедная, как мы уже объяснили, женщина была робка, и не решилась бы поднять взоры при многочисленном собрании. Если бы она увидела Учителя, окруженного учениками, учеников, толпу народа, вообще увидела что-нибудь особенное, важное, внушительное, блестящее, она тотчас бы убежала и, таким образом, добыча была бы потеряна. Не решилась бы она подойти – значит, рыба убежала бы из сетей, не была бы поймана, а выскочила бы. Вот почему и отослал Он учеников в город. Пойдите, говорит, купите пищи; вы – пойдите и купите себе, а Я имею другой обед: *«Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его»* (Ин. 4, 34). У вас – плотская пища, а у Меня – духовная; вам нужно купить, а Мне – выкупить, – *«Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою»* (Гал. 3, 13), – говорит сосуд избранный – Павел, – Я желаю водою уловить эту духовную добычу.

Теперь ты знаешь, почему обращено здесь внимание и на место, и на час, и на отсутствие учеников; пора уже перейти и к дальнейшему. *«Приходит женщина из Самарии почерпнуть воды»*. Приходит самарянка за водой в шестом часу, оставивши работу у станка, чтобы в час отдыха запастись водой; это было, как не раз уже говорилось, в шестом часу. Когда Ева в раю преступила заповедь, был час шестой; а вот теперь самарянка получила спасение при источнике в том же самом шестом часу.

Пришла самарянка за водою и видит Иисуса. Он произвел на нее впечатление простого странника, обыкновенного путника, искавшего отдыха и нашедшего для него место у источника. При виде столь ничтожного человека она не обратила на него внимания. Но Он – Бог, ведущий всяческая прежде бытия их, – усмотрев сокровище веры, говорит ей: *«дай Мне пить»*. Источник жизни, сидя у источника, просит пить! Не пить Он хочет, но хочет Сам дать пить. Дай Мне пить, и Я тебе дам пить воду безсмертия. Я жажду спасения людей, жажду не пить, но напоить. Я подражаю Своему Отцу. Он говорил Аврааму: дай Мне сына Твоего, вознеси Мне Исаака, сына твоего возлюбленного, единородного, во всесожжение на одной из гор, которую Я тебе укажу (Быт. 22, 2). Не его сына, конечно, желая взять, сказал это Бог, а Своего Сына желая пожертвовать для вселенной. Это самое говорит сын громов, божественный Иоанн: *«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»* (Ин. 3, 16). Дай мне единородного твоего, чтобы я даровал миру Своего Единородного; принеси Мне в жертву сына твоего не для того, чтобы тебе принести, но чтобы Мне принести в жертву Сына Моего Единородного за спасение мира, жертву живую, угодную, святую. Так и здесь: *«дай Мне пить»*, не для того, чтобы напиться Мне, но чтобы тебе от Меня получить питье.

«Женщина Самарянская говорит Ему: Как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются» (ст. 9). Строгая женщина! Вот чем тщеславится блудница! Вот как соблюдает она закон! Таков вообще род самарян: валяются в грязи блуда и хотят очиститься омовениями: *«Как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются»*. Душу наполняют скверной, а тело думают очистить. Так и самарянка: душа ее осквернена, а она препирается о питье воды. Что же Иисус? Не поразил ее? Не сказал ей: Я – Бог от Бога; Я основал и утвердил небо и землю, – о воде ли и питье споришь со Мною ты, женщина, смердящая грехами? Но что (сказал Он ей)? *«Если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую»* (ст. 10). Видишь, как понемногу возбуждал Он любовь ее до страсти, сказав: *«Если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую»*. Что же отвечает ему на это женщина? *«Господин! тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок; откуда же у тебя вода живая? Неужели ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодезь и сам из него пил, и дети его, и скот его»* (ст. 11, 12).

Великое представление имела эта женщина о патриархе Иакове (слушайте, прошу вас, со всем вниманием), великое мнение имела об Иакове женщина самарянская и великую славу усвояла ему как патриарху, как праведнику, так как он был отцом двенадцати патриархов: двенадцать колен Израилевых ведут свое происхождение от Иакова. Знала она, конечно, и то, что он боролся с Богом и оказался столь сильным, что Бог сказал ему: «*отпусти Меня, ибо взошла заря*» (Быт. 32, 26). Даже Бог, борясь с человеком, говорил: отпусти Меня, потому что ты друг мой, и взошла заря. А он отвечает: «*не отпущу Тебя, пока не благословишь меня*». Что это за борьба у Бога с человеком и что она обозначает, как не то, что Бог имел облечься ради нас нашею плотью? Что же Бог сказал ему? Ты не будешь больше называться Иаковом, но будет имя твое Израиль: «*ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь*» (ст. 28). Вот почему самарянка имела об этом патриархе высокое мнение, вот почему она и сказала Господу: «*Неужели ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодезь и сам из него пил, и дети его, и скот его?*»

Что же на это Христос? Заметь мудрость Господа, заметь снисходительность наставника. Не сказал ей: да, Я – больше отца вашего Иакова. Не сказал ей и так, как сказал иудеям: «*прежде нежели был Авраам, Я есмь*» (Ин. 8, 58), или еще так: «*истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели*» (Мф. 13, 17). Ничего подобного не сказал Он ей, но ведет борьбу с патриархом и наглядным образом борется весьма сильно. Конечно, если бы Он сказал ей: да, Я – больше Иакова: он ведь от Меня принял благословение, а Я преподал ему его, – то она не могла бы так скоро возвести своего взора на такую высоту откровения, и ей оставалось бы убежать. Ничего подобного не сказал Он ей, но из явлений видимых представляет ей доказательство ясное и безспорное. Что именно говорит Он ей? «*Всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную*» (ст. 13, 14).

Были лица, посредствующие между Иаковом и Христом, но Он оставляет прение о лицах и обращается к сравнению между водой видимой и невидимой – благодатью. Ведь если бы Он сказал: да, Я – больше Иакова, – она тотчас же удалилась бы, убежала бы в город, уклонилась бы от ответа и, не выслушав объяснения, стала бы говорить в городе: безумный Он, что ли, или помешанный? Не то беснуется, не то бредит; странный и ничтожный человек, и вдруг говорит, что Он больше отца нашего или – лучше сказать – того, кто был отцом двенадцати колен Израилевых, получил благословение от Бога, ушел из своей страны бедным, а возвратился – по особому промышлению о нем Божию – богатым. Но Господь снисходил к женщине и, применяясь к ее слабости, мало-помалу возводил Свою собеседницу на высшую высоту. Рыболовы (как они поступают, слушай внимательно) бросают крючок в море, и когда заметят, что рыба взяла, не тотчас вытаскивают ее, но понемногу спускают ей, чтобы без помехи она проглотила приманку как следует, и когда почувствуют, что крючок проник в самые внутренности ее, тогда быстро без всякого колебания вытаскивают рыбу. Так и Христос поступил с женщиной. Не открыл ей с самого начала красоту Божества и не дал ей обещаний великих благ, ни возвестил о Себе, как Творце Иакова, но постепенно подготовляет ее душу к восприятию истины следующими словами: «*всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную*» (ст. 13, 14). Не вдаваясь в сравнение лиц, Он указывает на обилие благодатных даров и таким образом на деле показывает Свое преимущество перед теми, т.е Иаковом и его сыновьями.

Что же на это женщина? «*Господин*, – говорит она, – *дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходить сюда черпать*» (ст. 15). Видишь, как скоро она поверила, что данная Христом вода уже не оставляет после себя места жажде? «*Господин! дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходить сюда черпать*». Постепенно Христос возбудил в ней сильное желание Его духовной воды. Она поверила, что есть вода, после питья которой уже не чувствуется более жажды, употребление которой уничтожает рукописание грехов. «*Господин! дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходить сюда черпать. Иисус говорит ей: пойди, позови мужа твоего и приди сюда*» (ст. 15, 16). Если имеешь, говорит, общника по сожитию, пусть он разделит с тобою и веру; не одна прими дар духовной благодати, но «*пойди, позови мужа твоего и приди сюда*». Не одну Еву пришел Я спасти через Приснодеву и Богородицу Марию, но и мужа хочу я воззвать опять в рай, ставши Сам мужем. «*Пойди, позови мужа твоего и приди сюда*». Хорошо, возлюбленные, учитель вселенной Павел с тою же самою целью писал коринфянам: «*Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа?*» (1 Кор. 7, 16) Но не будем уклоняться в сторону. «*Пойди, позови мужа твоего и приди сюда. Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа*». Начала уже жена открывать грехи свои, начала исповедываться и говорить прежде всего: «*у меня нет мужа*». Я погружена в бездну блуда и невоздержания, и мужа не имею. «*Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа*» (ст. 17). «*Ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала*» (ст. 18). Что это значит: «*Ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе?*» Необходимо объяснить. Пять мужей имела эта женщина, и все они умерли; после этого она впала в блуд, и тогда никто уже не хотел вступить с нею в законный брак. Она же, не будучи в состоянии обуздать своих страстей, имела тайную связь. Таким образом, она не была ни явной блудницей, ни законной женой, имела мужа тайно: а Христа думала обмануть как человека, сказав Ему: «*у меня нет мужа*». На это Христос, знающий сокровенные тайны сердец и ведущий все прежде его совершения, говорит ей: «*правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тот,*

которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала. Женщина говорит Ему: Господи! вижу, что Ты пророк. Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме» (ст. 19, 20). Какого пророка видишь ты в Нем, женщина? Того ли, о котором писал Моисей: «*Пророка из братьев*» ваших, «*как меня, воздвигнет тебе Господь Бог*» ваш (Втор. 18, 15), или другого какого? Его ли видишь ты в Том, Кому ведомы все тайны твоего сердца? Ведь именно указание Господа на ее тайный грех побудило ее к признанию Его пророком: «*Господи! вижу, что Ты пророк!*» Вместе с Давидом должна была она воскликнуть теперь: «*От тайных моих очисти меня!*» (Пс. 18, 13).

Так сидел Бог, беседуя с женщиной. О, великое человеколюбие! Сидящий на херувимах беседует с блудною женою. «*Господи! вижу, что Ты пророк. Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме*» (ст. 19, 20). Блудница ведет речь о предметах веры; убедившись, что она беседует с пророком, она не спрашивает Его ни о чем житейском. Исповедала Его Господом, но не просит у Него богатства. «*Господи! вижу, что Ты пророк*». Исповедала Господом, но не спрашивает ни о чем, кроме учения отеческого. «*Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме*». (На этой горе Сомор Авраам собственного сына Исаака принес в жертву Богу, а в Иерусалиме Иаков, на пути в Месопотамию к Лавану сириянину, видел во сне лестницу, восходящую от земли до неба, и боролся с Богом, почему и говорил: «*Бог Всемогущий явился мне в Лузе*» (Быт. 48, 3). Поэтому самарянка касается учения и говорит: «*Господи! вижу, что Ты пророк. Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме*»).

Что же Господь? Опять Он отвечает с подобающею Ему мудростью. Так как она видела в Нем иудея, а сама была самарянка, то Господь не пожелал дать прямого ответа на ее вопрос, не желая огорчить ее, ни вводить в заблуждение. Ведь Он искал только одного – направить эту женщину на путь спасения, и ничто другое не входило в Его цели. Поэтому Он избегает всего, что могло бы ввести ее в заблуждение или пристыдить. Между тем, если бы Он сказал ей, что в Иерусалиме место, где должно поклоняться, как заповедал Моисей сынам Израилевым, то, конечно, возбудил бы в ней большое недовольство; тем более, что, – как мы уже сказали, – она имела за себя древнее предание о горе Сихемской, согласно которому на этой именно горе Авраам по повелению Божию должен был принести в жертву Исаака. С другой стороны, если бы Он, снисходя к ней, сказал, что эта именно гора, и что самаряне, кланяясь на ней, хорошо делают, то такие слова были бы, конечно, не истинны. Поэтому, земные споры предоставляя земле, Он возводит Свою собеседницу к мысли о духовном поклонении и говорит: «*поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу*» (ст. 21); «*истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе*» (ст. 23). «*Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине*» (ст. 24).

Видишь лучшее наставление, видишь мудрость искусного Учителя? «*Иисус говорит ей: поверь Мне*». Смотри, как возбуждает Он веру женщины. Смотри, как душу ее понемногу возводит к небесам, не пристыжая ее за наружность блудницы, но служа спасению души ее. Почему? Потому что Он и пришел *призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Лк. 5, 32), потому что за погибшей овцой, не отлучаясь от недр отеческих, снисшел Он к нам, преклонив небеса, и сделался совершенным человеком, пребыв тем, кем был. «*Иисус говорит ей: поверь Мне, что настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине*» (ст. 23, 24). Поклонение Богу не ограничивается местом, но повсюду распространяется познание божественной благодати; уже более не присвояют себе иудеи и самаряне символов закона. Кто клянется Богу духом и истиною, достойно кланяется. Отныне богопочтение не заключается уже в чужих всесожжениях, в тельцах и баранах; нет более обрезания и соблюдения субботы; нет ни храма, ни жертвенника, ни козла отпущения, ни святого святых; упразднена тень и служение и извращенные субботы. «*Новомесячий и суббот*, – говорит Бог через пророка, – *праздничных собраний не могу терпеть; новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя*» (Ис. 1, 13-14). «*Поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине*». Все это прошло как тень; древнее миновало; все стало новое. Благодать отвернулась от письмен. Я не требую уже, чтобы поклоняющиеся Богу собирались по закону в одно место; на всю вселенную хочу я распространить благодатные дары спасения. «*По всей земле прошел голос их, и до пределов вселенной слова их*» (Рим. 10, 18). «*Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине*» (ст. 24). «*Женщина говорит Ему: знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам все*» (ст. 25).

Вот блудница, любомудрствующая о духовном! Вот блудница, у которой Писание не сходит с языка! И хотя телом она была погружена в нечистоту блуда, но душа ее была очищена усердным чтением божественных писаний. «*Знаю, что придет Мессия*». Мессия в переводе значит помазанник. Поэтому самарянка и говорит: ожидаю помазанника, которого плоть будет помазана Божеством. «*Когда Он придет, то возвестит нам все*». О, духовная высота! О, женщина – блудница и все знающая! Смотри, как она устремлена от земного к небесному. Мессией называет посланника, ожидаемого Христа, приходящего для спасения всего мира. Опять пророк! Опять Господь! И Господа не называет уже более иудеем, не допытывается о даровании воды, не говорит уже Ему: «*Как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются*» (ст. 9). Но что? «*Господи! вижу, что Ты пророк*» (ст. 19), – и тотчас же о вере: «*Отцы наши поклонялись на этой*

горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме» (ст. 20). Заметь, как восхищает она добро духовных дарований. Заметь, как все у нее основано на Писании. *«Знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам все»* (ст. 25). Его я ищу, Его ожидаю, к Нему стремлюсь. *«Иисус говорит ей: это Я, Который говорю с тобою»* (ст. 26).

О, великое и необычайное чудо! Столь ясно открыл Господь блуднице то, что многим из апостолов еще не было открыто. Апостолам – Клеопе со спутником – не открылся Он сразу, а когда отверз очи их, тогда стал невидим для них, так что они потом уже говорили: *«не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?»* (Лк. 24, 32). Им не открылся, а самарянке говорит: *«Это Я, Который говорю с тобою»* (ст. 26). Что сделал Он для одного только Павла, взошедшего на третье небо, восхищенного в рай и слышавшего неизреченные глаголы, уловившего вселенную, это самое гораздо раньше сделал для самарянки. Павлу Господь ясно открылся в словах, сказанных с неба: *«Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна»*. Савл же «сказал: кто Ты, Господи? Он сказал: *«Я Иисус, Которого ты гонишь»* (Деян. 26, 14-15; 9, 4-5). Тоже самое теперь говорит Господь самарянке: *«Это Я, Который говорю с тобою»*.

В это время приходят ученики и находят Его беседующим с женщиной: *«и удивились, что Он разговаривал с женщиною»* (Ин. 4, 27). Поклоняемый ангелами беседовал с блудницей; разделяющий с Отцом безконечное царство наедине беседовал с женщиной.

А она, оставив водонос, поспешила в город. Оставила водонос, так как насытилась водою живой, и, придя к горожанам, громко восклицала: *«пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала: не Он ли Христос?»* (Ин. 4, 29). *«Пойдите, посмотрите Человека»*. Не сказала: идите, смотрите Бога среди людей, – чтобы не приняли ее за безумную, чтобы не сказали люди: она в исступлении. В самом деле, видел ли когда-нибудь кто Бога ходящим по земле? Видел ли кто когда-нибудь Бога среди людей? *«Пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала»*. Она возбуждала в них желание пойти и сделаться Его добычей; как сама она была уловлена, так уловляла и других. Сама начала с «иудея» и дошла до «Господа», а их от человека руководит к познанию Бога. О, блудница-проповедница! О, блудница, превзошедшая апостолов! Ведь только по исполнении всего домостроительства, только тогда апостолы начали апостольскую проповедь, а блудница и прежде страданий и искупления и воскресения благовествует Христа. *«Пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала»* (ст. 29). Для вашей пользы я всенародно объявляю свои грехи; я разглашаю свои пороки, чтобы вы увидели Бога, пришедшего к людям, и поклонились Христу, не гнушающемуся грешников. *«Пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала: не Он ли Христос?»* Видишь мудрость женщины? Видишь благомыслие блудницы? Об одном только грехе – именно о блуде – сказал ей Христос, и она оставила водонос, побежала в город, говоря: *«пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала»*. Проповедует об Его всеведении, и ее проповедь превосходит проповедь апостолов. Она не видела Его воскресшим из мертвых, не видела, как Лазаря четверодневного возгласил Он из гроба, не видела его победы над смертью, не видела моря, укрощаемого словом, не видела, как создавший Адама брением восполнял недостаток творения у слепого, – и проповедовала о Том, Кто в раю словом творил из глины. *«Пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала. И многие Самаряне из города того уверовали в Него по слову женщины, свидетельствовавшей, что Он сказал ей все, что она сделала»* (ст. 39).

Будем и мы подражать этой женщине-самарянке в том, чтобы не стыдиться своих грехов, но бояться Бога. А то ныне бывает, как я вижу, напротив: Грядущего судить нас мы не боимся, а тех, которые нисколько не могут повредить нам, мы боимся и стыдимся. И за то, чего стыдимся, за это несем наказание. Ведь тот, кто стыдится открыть человеку грехи, и не стыдится грешить перед очами Божиими, и затем не желает ни сознаться в своих грехах, ни покаяться, будет посрамлен в тот день не перед одним или двумя, а перед всей вселенной.

Итак, побеседуем со Христом: Он ведь и теперь стоит среди нас и беседует с нами через пророков и апостолов. Будем же слушать Его и повиноваться Ему. Доколе будем мы жить суетно и напрасно? Если здесь данное нам время мы проведем без пользы, то отошедши отсюда подвергнемся тяжкому наказанию за неосмотрительную трату. Бог даровал нам эту настоящую жизнь и вдохнул в нас разумную душу не для того, чтобы мы пользовались только этой временной жизнью, но чтобы все получили и будущую жизнь. Неразумным животным предоставлена только настоящая жизнь, а мы для того и имеем безсмертную душу, чтобы готовиться к тамошней жизни, чтобы просиять там, чтобы ликовать с ангелами, чтобы Царю предстоять всегда – в безконечные веки. Для того и душа наша безсмертна, и тело будет возвращено нам. Если же ты, когда перед тобой небесное, привязан к земле, – подумай какую обиду наносишь ты своему Благодетелю. Он предлагает тебе небесное, а ты, не обращая на это внимания, предпочитаешь землю? Пренебрегаемый, Он угрожал тебе и геенной, чтобы ты узнал отсюда, каких ты лишаешься благ. Но да избавит нас Бог от опасности испытать это наказание на деле! Благоугодивших же Ему да удостоит вечных благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Отцом и Всесвятым и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Эта выписка дословно из Златоуста, очень душеполезна. Ты, сестра Р., себе непременно спиши и кто желает, а все что написано, передай Ю. и М. Не думайте, что кого-либо обличаю, а читаю книги, и чем пользуется душа моя многогрешная, то по милости Божией сообщаю вам, обличая сим свои личные пороки.

Простите, молитесь, благословите.

С моею к вам о Христе любовию Венедикт.

12.11.1967 г.

Его уход из этого мира - большая потеря для нас...

Великую утрату понесли православные христиане в четверг 26 мая 2011 года. Около половины пятого вечера, перед звоном к вечернему Богослужению, в Задонском мужском монастыре окончил свой земной путь протоиерей Владимир Кондратюк (в монашестве – иеросхимонах Феофан). Ушел из жизни один из тех великих пастырей, подвигами которых выстояла Русская Церковь в годы лютых советских гонений.

Родился Владимир Игнатьевич Кондратюк 7 июля 1928 года в семье священника в селе Алексеевское Акмолинской области (Казахстан), куда родители его отца эвакуировались в Первую мировую войну из Белоруссии. Родитель Владимира, протоиерей Игнатий Онуфриевич Кондратюк (1896-1967гг.) был великим молитвенником, любящим пастырем Церкви и исповедником, претерпевшим сталинские лагеря за отказ отречься от Бога и от сана. На всю жизнь отец Владимир сохранил горячую любовь и благодарность к своему отцу, который передал ему эстафету жертвенного служения Богу и людям. Памяти любимого папы были посвящены некоторые трогательные стихотворения отца Владимира. И со стороны матери (семья Тверитиных) в роду отца Владимира все были священники: и дед, и прадед, и прапрадед. В частности, дедушка, Николай Александрович Тверитин, был высокообразованным человеком, законоучителем, он открывал школы, а в последний год перед революцией был полковым священником.

В 1944 году Владимир Игнатьевич закончил Железнодорожное училище, а в 1949 – Московскую духовную семинарию. 27 сентября 1949 году епископом Орловским Николаем Владимир был рукоположен во диакона, в 1953 году епископом Рязанским Николаем – во священника, а вскоре получил и сан протоиерея. Он служил в Петро-Павловской церкви г. Брянск, Воскресенской церкви г. Буй Костромской области, Преображенской церкви г. Лебедянь Липецкой области, где с 1969 по 1976 год был настоятелем. С 1976 по 2003 год (27 лет) отец Владимир был настоятелем Троицкого собора Задонска. Одновременно с 1991 года он служил в Задонском мужском монастыре, затем в Свято-Тихоновском Преображенском женском монастыре (Скит). Имел шестерых детей: пять сыновей и дочь. Три сына и внук посвятили свою жизнь Господу – стали священниками. За свои труды батюшка был удостоен наград, среди которых – право носить митру. В Задонском мужском монастыре отец Владимир постоянно проживал с 2003 года. Нес послушание духовника. Пострижен в монашество (сразу в великую схиму) 20 сентября 2010 года с именем Феофан.

Чин погребения отца Владимира состоялся в субботу 28 мая 2011 года, его возглавил Высокопреосвященный Никон, архиепископ Липецкий и Елецкий. Слово, произнесенное архиепископом Никоном на погребении отца Владимира, мы предлагаем нашим читателям.

Если бы все были такими как он, то на земле не было бы ни бед, ни скорбей...

Слово архиепископа Липецкого и Елецкого Никона на погребении иеросхимонаха Феофана

Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь. 28 мая 2011 г.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Царство Небесное, место покойное нашему собрату, иеросхимонаху Феофану.

Бо́льшую часть своей жизни, почти полвека, протоиерей Владимир служил приходским священником. Впервые мы встретились в 1976 году, когда меня рукополагали в священный сан в Троицком храме города Задонска, где он в то время был настоятелем.

Отец Владимир был митрофорным протоиереем. Но кто из нас видел его в митре на службе? Никто и никогда. Так скромно он жил. Батюшка мало отвлекался на что-либо материальное, для него существовала только жизнь в Боге и с Богом. Он постоянно находился в храме, совершал требы, не отказывал никому даже в самых серьезных и сложных обстоятельствах.

Со своим семейством он жил в домике, который ему не принадлежал; когда же перешел в наш монастырь, то жил в братском корпусе среди монахов и послушников, никогда не требуя особого внимания и условий, соблюдая скромность во всем. Ему не нужны были какие-то отдельные особенные блюда – нет: кое-что собрал со стола, покушал и все. Это очень важно, когда в человеке нет брезгливости, когда он может оставленный на столе кусочек хлеба доесть за другим. Я всегда удивлялся той легкости, с которой, в своем возрасте и со своим здоровьем, он принимал любые неудобства и сложности быта. Зато дверь его кельи была открыта всегда и для всех, кто желал к нему прийти...

Вероятно, благодать Божия помогала ему в наших условиях быть и настоящим священнослужителем, и подвижником благочестия, и примером кротости и послушания. Для нашего монастыря отец Феофан был палочкой-выручалочкой. Батюшка нес свое служение, невзирая на обстоятельства: что болен, что устал, что уже ночь. А как тяжко он болел! Но, никогда он не охал, не стонал, не просил о помощи – никогда. Для нас так и осталось в тайне, что у него болело. А, вероятно, болело все... Часто бывали случаи, что у него давление под двести сорок, что он еле дышит, его упрашивали: «Батюшка, отдохни!». Но уговоры были безсильны – отец Феофан шел исповедовать. Оставалось только помочь ему дойти до храма. Его терпение было сверхтерпением. Совершая свое служение Богу и ближним, батюшка практически не спал. Если бы я болел так, как он, возможно, сказал бы: «Я не могу, я болен...» Мы волновались, предлагали пройти обследование для того, чтобы выяснить какие лекарственные препараты могли бы облегчить состояние его здоровья. Батюшка всегда отвечал коротко: «Не надо...».

Отец Феофан – пример человека редкой силы воли. Он как адамант[1]... Он твердо стоял в вере православной, и было невозможно склонить его на какие-то послабления в нравственной жизни. Вы не представляете, какая милость Божия, что рядом с нами был такой человек, который, не обращая внимания на тяжкие телесные недуги, молился за всех. Думаю, если бы все были такими как батюшка Феофан, то на земле не было бы ни бед, ни скорбей.

Со всех сторон к нему ехали люди, привозили записки с просьбой помолиться. Но мало кто мог подумать, что батюшка вставал ночью и с пачками этих записочек шел в алтарь, чтобы вынуть частички за всех – за живых и почивших[2]. Отец Феофан очень болел за людей, старался как-то утешить, поправить их здоровье. Поэтому за них он нередко вынимал из просфоры очень большую частичку. Вероятно, он считал, что помин с извлечением из просфоры большой частички лучше дойдет до Бога. Порой некоторые священнослужители даже роптали на него за это[3].

Позднее в нашем монастыре появилось много молодых священников. Они тоже стали вынимать частички, и понемногу оттеснили батюшку: «Отец Владимир, ты лучше иди исповедуй. Ты старенький, к тебе все идут исповедоваться с радостью». Он смирился и с любовью донес это послушание до конца. Батюшка таял на наших глазах, приближалось время отойти ему ко Господу. Но все попрежнему неизменно тянулись к нему. И он принимал, он исповедовал до последнего дня...

Его уход из этого мира – большая потеря для нас. Многие будут глубоко скорбеть, что не подскажет он больше, как жить, не выслушает; что не сможет он теперь исповедовать и сопереживать с нами. На исповедь к Батюшке, действительно, стремились все.

---

[1] Адамант – алмаз.

[2] Частички, извлеченные из просфор за каждое имя живых и усопших, на Богослужении (Литургии, Евхаристии) омываются евхаристической Кровью Иисуса Христа, что по Преданию Православной Церкви оказывает великую помощь поминаемым людям.

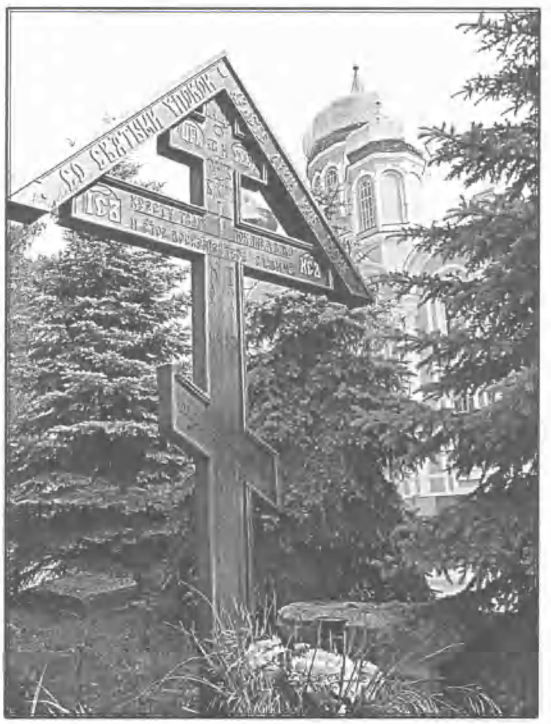
[3] В духовном смысле крупные частицы не имеют преимущества перед мелкими, но в отличие от мелких несколько перегружают Святую Чашу и создают для священнослужителей некоторые неудобства.

Многие священнослужители приезжали к нему открыть все, мучившее их. Они знали точно – все исповеданное ему останется в тайне. От отца Феофана никогда не было слышно ни слов укора, ни сетований о том, что мы грешим. Он никогда не говорил ничего, что могло бы смутить, обидеть или оттолкнуть человека от пути спасительного. Батюшка внимательно выслушивал, кратко наставлял, никогда никого не наказывал. Хотя, порой, по нашим грехам нас необходимо наказывать. В этом он был единодушен с отцом Виталием и Владыкой Зиновием[4]. Отец Виталий так говорил своим сослужителям: «Братья, прошу вас, никого никогда не наказывайте. А если кто наказал, то снимите наказание...»[5]

Были между ними и другие сходства. Помню слова отца Виталия, что он боялся вина, как огня. Так же и батюшка Феофан относился к вину очень строго, можно даже сказать – скорбно... Ведь многие из приходивших к нему делились своей болью о том, что мужья, дети, внуки пьют, просили молиться за них. Сам отец Феофан к вину не прикасался.

Особенно чутко батюшка относился к молодым священнослужителям и всегда переживал, чтобы у них не было привязанности к спиртному. Заботясь о том, чтобы даже в Святую Чашу не наливалось слишком много вина[6], он говорил: «Немножко наливайте вина... Немножко». Помню, и я спрашивал его: «Отец Владимир, ну можно хоть немного побольше вина налить, а то не омоются частички?» Батюшка отвечал: «Побольше теплоты[7] добавьте...»

Что еще можно сказать? Вы многое знаете о батюшке Феофане. Может быть, придет время, когда мы издадим описание его жизни и деятельности в миру, где он много лет трудился, а также в этой святой обители, где он пребывал в великом послушании



Богу. С самых первых дней, когда наш Рождество-Богородицкий монастырь был возвращен Русской Православной Церкви, протоиерей Владимир принимал самое активное участие в расчистке территории и многих других восстановительных работах. Батюшка почти дождался полного восстановления обители.

Последние 10 лет своей жизни он послужил монастырю как пастырь, подавая всем нам пример самоотверженной любви, жертвенного служения Богу и ближним. В нашей обители, он принял великую схиму. Здесь же, в эти пасхальные дни, протоиерей Владимир – теперь уже иеросхимонах Феофан – отошел ко Господу. Возможно, дети хотели бы похоронить батюшку рядом с его бывшей супругой – матушкой Александрой, но умер он монахом, и тело батюшки должно быть упокоено в его монастыре.

Сегодня, дорогие, отец Феофан собрал здесь всех своих родных и близких, всех нас, любящих его, чтобы мы проводили его в последний путь. Мы отдаем отцу Феофану последнее целование. Но мы не должны ограничиться только этим. Мы должны молиться о нем, священнослужители должны вынимать за него частички на проскомидии, что очень важно. Я говорю это не только детям и внукам почившего, среди которых много священников, я обращаюсь ко всем, кто его знал.

Помню, как когда-то я сказал ему: «Батюшка, за нас старцы молятся». Когда священноначалие благословило меня восстанавливать эту обитель, схиархимандрит Виталий говорил мне: «Отец Никон, за ваш монастырь у меня всегда горит свеча». И, действительно, все это время молитвами старцев Господь укреплял всех нас. Теперь, я думаю, что за монастырь, за всех его насельников будет продолжать молиться и наш иеросхимонах Феофан. Он будет молиться о том, чтобы Господь укрепил нас, дал нам веру крепкую, надежду и упование на Бога; чтобы своей жизнью мы не посрамили Господа; чтобы, живя здесь, мы донесли до конца свое послушание и спасли свои души. Поэтому и вы непременно молитесь за батюшку, запишите в свои диптихи иеросхимонаха Феофана, а Господь по его молитвам, его предстательству пред Богом и нам поможет пережить великие дни страшных испытаний – они приближаются.

Царство Небесное, место покойное иеросхимонаху Феофану, Господь Бог да ублажит его, а нас помилует. Аминь.

---

[4] Речь идет о Глинских старцах, духовных наставниках архиепископа Никона: схиархимандрите Виталии (Сидоренко) и прославленном в 2009 году в лике святых схимитрополите Серафиме (Мажуга), более известном, как митрополит Зиновий.

[5] Имеется в виду наложение епитимий – церковных исправительных наказаний.

[6] В ходе Богослужения совершается таинство преложения (пресуществления) хлеба и вина в истинные Тело и Кровь Господа Иисуса Христа.

[7] Теплота – это кипяток, который по древней традиции символически добавляется в евхаристическую Кровь Христову.

Христианам о христианстве

из бесед с кавказским пустынником

ОБ ИЗБАВЛЕНИИ ОТ ЗЛОПАМЯТНОСТИ

Часть 9

Вопрос: *Меня очень тяготят немирные отношения с людьми, и хочется их как-то наладить...*

Ответ: Потому поставь себе за цель: ежедневное исполнение заповеди *«Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов»* (Гал.6, 2). Эта заповедь как догмат нашей веры. Мы не можем быть христианами, если не будем иметь такого расположения, потому что даже если в рай попадем, то и в раю не найдем себе покоя. А исполненная заповедь претворяет человека в чадо Божие. Потому враг так старается, постоянно воюет и извращает все: «Да хватит терпеть! Сколько можно?! Это ж нестерпимо, недопустимо!.. Не нужны они тебе!», – и все это для того, чтобы мы не смогли благодушно нести тяготы наших ближних: ведь этим мы спасаемся. Понимаешь, насколько это важно? Потому враг так и воюет.

А в книге «Старец Силуан» сказано: «Мой ближний – это я сам. То есть в самом сильном и буквальном смысле жизнь ближнего моего есть моя жизнь: "Блаженна душа, любящая брата своего, ибо брат наш – есть наша жизнь", – говорил старец. Это говорил он о том, что все мы связаны между собой. Вот, скажем, в монастыре кто-то тебя обидел, а ты взяла и отомстила. Тот, кому ты отомстила, скажем, считает, что несправедливо обижен и будет мстить дальше. В эту диавольскую игру вовлекаются близкие тебе и ему люди. Там глядишь – и мирная обитель превратилась в поле битвы. И кому хуже? Всем. Ты думала, что сделала больно ближнему? А эта боль к тебе же и вернулась. Когда же претерпишь, простишь ближнему, то и самой тебе будет лучше. Будет мир и в тебе, и вокруг тебя. Так и во всем мире – ведь все мы связаны.

Вопрос: *Меня оскорбили, но оказалось, что вовсе не собирались оскорблять. Они сказали что-то в общем, а я приняла это на свой счет, не поверила и еще осудила: «Как же так можно?!» А недавно сама сказала так, что на меня обижаются до сих пор. И вышло так, что не собиралась обижать, а обидела.*

Ответ: Мне кажется, с одной стороны, ты пожинаешь плоды своего осуждения, ведь «в чем осудишь – в том побудешь». Есть и еще одна причина, которая тебе создает немирные отношения с людьми – ты легко доверяешь своему мнению, которое чаще всего, бывает ошибочным.

И такое часто со всеми нами случается. Когда не только слова, но и дело человека с первого взгляда может показаться очень неблаговидным, хотя имеет благие намерения и возможно даже благие последствия. Вспоминаю такую ситуацию. Когда мы общались с одной инокиней, то в соседней комнате находилась благочестивая женщина. Инокиня пребывала в таком унынии, что как я не пытался с ней говорить, вижу – «невпроворот». Помолился в таком затруднении и вспомнил в свое время данный мне духовный совет: «Когда человек находится в глубоком унынии, то не думай ему что-то говорить, потому что он все равно твоих слов не услышит. Сделай так, чтобы он сначала улыбнулся, и тогда он уже будет способен тебя понимать, а иначе все твои слова будут потрачены на ветер». Вспомнив это, стал ей что-то рассказывать, и в самом деле, она рассмеялась, и я рассмеялся. И, слава Богу, удалось выйти из затруднения – все как-то обошлось.

Поговорили и разошлись, а через некоторое время встречаюсь с той женщиной, что сидела в соседней комнате. Она на меня посмотрела с таким осуждением, что мне сразу было не понятно: «А что произошло?» – но потом осознал: «А что она могла подумать? Монах, пустынник наедине с монашкой и такие хохоты разводят!.. Вот что там делается!» Так и получается, что человек и видит, и слышит, но не может правильно оценить ситуацию. И таких случаев много, почему у святых отцов и сказано, что не доверяй своим глазам, если увидишь, что человек вынимает

нож из спины другого. Не скажи, что он – убийца, потому что, может быть, он вынимал его из сострадания. Вот такой образ подсказывает жизнь. А тем более, когда, общаясь с каким-то человеком, мы видим, что он делает нам якобы какие-то козни, какое-то зло, то должны уточнить, удостовериться: а в самом ли деле это так? Потому что мы можем ошибаться. И, если будет такая возможность, то лучше в мирном духе спросить его, а если нет, то какими-то другими методами определить, но не доверять своему предположению, что это делается с каким-то большим злобным умыслом.

Мой духовный брат, монах Давид, как-то подсказал мне, чтобы я не торопился делать выводы, не зная, с каким помыслом или намерением он делает даже дела благочестия. У меня было благословение духовника пустыни преподобного Серафима (Романцова): «Слушайся брата», – и бывало так, что подражал Давиду даже слепо. Например, он делил молитву «Достойно есть» на две части, как в церкви читают Великим постом: делал поклон и дочитывал вторую часть. И я, подражая ему, тоже стал так делать. В то время мы жили в одной келии, он сразу это заметил и сказал: «Почему ты так делаешь, а не спросишь: с каким помыслом я это делаю? Не старайся подражать слепо – лучше спроси». И рассказал, что когда он только пришел к вере и попросил Матерь Божию, чтобы Она научила его молиться, то во сне ему был поставлен лист бумаги, на котором было написано несколько молитв. Там молитва «Достойно есть» была разделена именно на две части. Но, интересно, что он эти молитвы прочитал во сне и сразу запомнил, хотя до этого совершенно их не знал. А когда прочитал их уже в молитвослове, то смутился: «А почему здесь написано одной молитвой, если там было показано как две?» Только через некоторое время он узнал историю написания молитвы «Достойно есть», и как вторая ее часть была дана старцу на Афоне Ангелом Божиим.

Действительно, чаще всего мы даже не догадываемся, с каким помыслом человек приступает к тому или другому делу. Потому, напоминая об этом, один старец, имея дары рассуждения и прозорливости, смиренно о себе говорил: «Разве я старец или прозорливый, чтобы правильно понимать?» А мы, если точно и не знаем, то почти всегда догадываемся, слепо доверяя своему «проверенному» годами жизненному опыту или ссылаясь на так называемую «интуицию», чем становимся на сторону первого клеветника – диавола, потому что подозрение равно оклеветанию. Особенно это касается тех, которые склонны подозревать и ожидать чего-то недоброго от окружающих людей.

Потому, как пишут святые отцы, нужно познать общую всем нам немощь. Ведь мы тоже не хотели оскорбить, а оказывается, что оскорбили, не хотели так сказать, а сказали. И из подобных случаев сделать вывод, что надо учитывать немощь человека и извинить его, а если мы не стараемся его понять, то совершаем ошибку.

Вопрос: *Но если я делаю какие-то выводы, то не просто так и не на пустом месте, и зачастую кажется, что все – и так очевидно, а почему-то получается ошибка...*

Ответ: И я такой же, даже не такой же, а несравненно хуже тебя. Вот как я действовал в духе доверия своему помыслу. Мне нужно было срочно дозвониться моему брату, а трубку не брали, хотя точно знал, что они дома. Тогда для того, чтобы они поняли, что это я, решил звонить долго. И с негодованием нажимал на кнопку вызова шесть раз подряд, приняв ложный осуждающий помысел, что там трубку брать не хотят. Конечно, «не просто так» и не случайно так думал, а потому что действительно такие случаи бывали. А когда мне все-таки ответили, то уже с таким ропотом и обвинением сделал выговор: «Вы что глухие? Если звонят, значит, знают, что вы дома!» И как же мое мнение изменилось, когда услышал: «Простите, мы исповедовались». Семь минут подряд звонил телефон, мешая таинству исповеди... Так что, прости, Господи, мое безумие! Думал о себе, что прав и должен сделать выговор, а тут оказывается, что мне самому надо сделать выговор; думал, что меня обижают и оскорбляют, а, оказывается, что сам обижал и оскорблял. Этот случай мне наглядно показал: не принимай подозрений, потому что не знаешь, кто что думает и кто чем занимается, а у тебя – только твои предположения.

Или другой пример, когда я с полным намерением оказать своему послушнику любовь и заботу, сказал, что ему уже пора уходить, а им это было воспринято как ненависть и презрение.

Вопрос: *Не случайно же он так подумал?*

Ответ: На всякое наше «думание», мнение, подозрение и даже оклеветание мы находим какое-то основание. Но вся беда в том, что эти «основания», якобы к праведному негодованию, всегда ложные, подсказанные «левым советником». Святые отцы оставили нам назидание, что первое, с чего нужно начинать борьбу со страстями, это – не доверять своим мнениям, предположениям, догадкам или уверениям, хотя бы они даже и были основаны на каком-то прежнем опыте. Потому если бы этот послушник, имея доверие моим словам, спросил: «По какой причине вы мне так сказали?», – то не впадал бы в осуждение, подозрение, оклеветание и не делал целый ряд грехов, которые последовали за доверием одному ложному, недоброму помыслу. Даже в тех случаях, когда человек, в самом деле, увлекся в какое-то озлобление, а нам приходится с ним общаться, то нужно, помолившись, стараться побеждать «благим злое», по заповеди апостольской, а не злым – злое. Потому что благостное расположение души приносит мир и благо как нам самим, так и всем нас окружающим.

Вспоминаю такой случай, который произошел еще в советское время. Цебельдинский председатель совхоза забрал паспорт у монаха. Его надо выручать, а никто не решается идти к председателю, чтобы просить отдать документ. И одна старушка взялась ему помочь: пошла в контору. Председатель кричит так, что слюна летит; одного, другого ругает... И как к нему подойти? Естественно, что она шла в контору и молилась, ждала его – молилась, и уже подошла к нему, гладит его по плечу (она была слепая) и говорит:

– Ражден, Вы такой добрый, такой добрый...

А он еще продолжает на кого-то кричать.

– Что ты хочешь?

– Ну, вы там паспорт забрали, а он, бедненький, так переживает – не знает, что ему теперь делать... Пожалейте его, вы ж такой добрый!.. Пожалейте!

– Ладно, идем, отдам тебе...

И отдал ей паспорт.

То есть старушка восприняла его как доброго, и он стал добрым. Понимаешь? Хотя на самом деле он рвал и метал. Она была уверена, что в душе он добрый, а это все – напускное. Вот такой простой пример.

А если мы говорим, что он такой-сякой, злой и все прочее, то, как правило, он таким и становится. Так что вот этот наш неправильный, греховный подход к каждому человеку, к каждой ситуации и делает нам все беды.

Вопрос: *Если долго терпеть чужие пороки и страсти, то, как говорится, можно сойти с ума.*

Ответ: Конечно, просто так терпеть долго не получится. Потому нужно всегда помнить, что за страстями, как за порогом, как за грязью и туманом есть образ Божий, есть нечто прекрасное. И чем больше ты видишь красоту человека, тем бóльшие его страсти ты вытерпишь, хотя бы потому, что просто осознаешь, что ради этого стоит терпеть.

Вопрос: *Значит, «тягота» – это не только явные оскорбления, обиды, пороки и страсти?*

Ответ: Но если мы согласимся потерпеть даже явные недостатки, когда человек действительно мстит, оскорбляет или досаждает как-то, то тем более уже и эти несовершенства, немощь и ошибки всем нам свойственные потерпим... Корнем терпения должно являться смирение. Ведь если себя будешь видеть немощным, несовершенным, склонным к необдуманным поступкам и нуждающимся в прощении, тогда и других прощать будет легче.

И довольно часто такое бывает, что немощи и ошибки не в ком-то, а именно в нас самих. Когда, например, мы по своей гордыне видим зло даже в добром деле или приходим в негодование по поводу чьей-то добродетели. Как книжники и фарисеи усмотрели грех в том, что Христос исцелял в субботу, а Каин возненавидел и убил брата именно за то, что тот лучше его. С нами разве не бывает чего-то подобного? И здесь дело уже не в том, что мы нетерпимы к недостаткам ближнего, а в том, что не требовательны к себе.

Вопрос: *У меня был такой случай, когда я видела злой взгляд, которого, как оказалось, на самом деле не было, и зря помучилась подозрениями. А в другой раз от меня услышали то, чего я не говорила. Хорошо, что отношения были искренними, и обошлось без конфликтов.*

Ответ: Когда человек во взведенном состоянии, то это – время, когда подыигрывает враг, как говорится «подливает масла в огонь», чтобы получилась вспышка. Потому нужно помнить, что есть еще одна «заинтересованная сторона». И как только появляется смущение или раздражение, нужно постараться отложить разговор или какое-то решение на неопределенное время – пока душа не успокоится.

Никакой грех или смущение, замешательство или другое бедственно состояние не бывает без причастности к тому демонов. Как всякое доброе дело не совершается без содействия Духа Святаго, так и всякий грех не совершается без содействия демонского. А по мере нашего омрачения этот дух все больше и больше примешивается...

И у нас среди братий много раз бывало такое, что один говорит одно, а другой слышит другое. Приведу пример с благословением трапезы. Братия собрались, с нетерпением ожидая молитвы и благословения трапезы, потому что им нужно было засветло добраться до своих келий, а в зимнее время и темнеет рано, и добираться трудней. Все было приготовлено, и я прошу: «Батюшка, пожалуйста, побыстрее, потому что хотят уходить». Он зашел, посмотрел на стол и ушел в свою келию. Мы ждем-ждем, а его нет. Захожу к нему и вижу, что он снял епитрахиль и сидит.

– А чего мы ждем?

– Ты же сказал, что нужно ждать.

– Я сказал, что нужно благословлять.

– А я услышал, что нужно ждать. Сел и жду.

Братия все в накаленном состоянии, потому что надо спешить, а он слышит, что нужно ждать. И сидим – ждем...

Так что действие духов злобы во всех наших смущениях не подлежит никакому сомнению, оно более или менее явно для внимательного человека.

Вопрос: *Заметила в себе еще одну ошибку. Вот эти мои вопросы: «Почему он так сделал? Почему он так сказал?» – говорят о какой-то требовательности к человеку.*

Ответ: Да, мы подчас предъявляем повышенную требовательность к другим и этим как бы лишаем человека возможности быть свободной личностью. Потому что он, как свободная личность может проявить какую-то немощь, допустить ошибку, а для нас это полезно, очень нужно, чтобы мы научились эту ошибку любовно и благодушно претерпевать: ни роптать, ни укорять, ни убегать от него. Любовь к ближнему проявляется в снисходительности и великодушии – вот этого нет, а есть требовательность.

Если твоя требовательность основана на том, что ты хочешь видеть человека идеальным, то в падшем естестве нельзя никакого человека воспринимать как благаго, потому что Сам Господь сказал: «*Никто же благ, токмо Един Бог*» (Мф. 19, 18). А человек может быть благ настолько, насколько постигает и исполняет волю Божию, насколько им усваивается и в нем действует Дух Христов.

А если твоя требовательность связана с каким-то судом или осуждением, похожим на какую-то патологическую злобу, то подумай о том, что сейчас ты сталкиваешься только с недобрыми свойствами, которые приобрел этот человек. Вспомни тогда, что человек создан безгрешным, с относительной бла-

гостью, способным приобретать свойства Христовы, способным развивать эту благость, радоваться о Господе и о сосуществовании других тварей, радоваться о такой разноликой, по-своему интересной, столь огромной семье чад Божиих – наших братьев и сестер. А то, что с этим человеком сейчас происходит, это – временное извращение, Богом данной ему природы. Он или по наследственности или в дурной среде стал таким, но, в конечном счете, богоподобные качества когда-то им усвоятся и вложенное в него семя прорастет, только не сразу. Как преступник, за все свои злодеяния приговоренный к высшей мере наказания, принимая страдания на Кресте, покаялся и сказал: «Достойное по делом моим приемлю», осознав, что причинял страдания другим и первым вошел в рай.

Нужно помнить, что каждый человек это – особая, свободная личность со своими положительными и отрицательными качествами, и мы должны воспринимать его таким, какой он есть, каким его любит и заботится о нем Господь. Но и отрицательные качества мы можем обратить себе на пользу, если будем поступать по-христиански, по заповедям, по совести, если мы будем ставить себя на его место.

Вопрос: *Но очень трудно оправдать, а тем более поставить себя на место какого-нибудь злодея. Как, например, в недавней абхазско-грузинской войне злодеи расстреляли беззащитных раненых и медперсонал скорой помощи.*

Ответ: Мы не можем в человеческих отношениях применять слово «оправдать», потому что мы не судьи, а подсудимые.

А если не получается поставить себя на их место, то может быть вспомнить, как била кого-то в детстве до неистовства и по лицу, и по глазам, и прочее. Что ярость была такая, что уже не контролировала своих действий. И этот человек был в таком состоянии, дошел до такой злобы и ожесточения, что уже не контролировал своих действий и потерял человечность. Естественно, это вызывает жалость. Но потом Промыслом Божиим им этот случай вспомнится и заставит задуматься: «До чего же я дошел? Нужно что-то делать, так больше нельзя! Нужно срочно идти в Церковь, покаяться. Пора изменить свою жизнь!» И именно потому, что он вспомнит, как расстреливал тех беззащитных раненых. Эта страшная картина может привести к повороту его жизнь. Он осознает и покается. И тому многочисленные примеры. Потому и нам нужно кротко претерпеть чью-то злобу, начиная с малого.

Вопрос: *А ведь есть еще люди, которыми в силу каких-то их особенностей, болезней душевных или телесных – в общем, каких-то отклонений гнушаются почти все.*

Ответ: Хороший ответ на твой вопрос дает старец Иосиф Исихаст: «Ты же будь внимателен, не презирай ни одного из малых, уничиженных и немощных мира сего. Ибо эти презрение и обида с твоей стороны не останавливаются на этих несчастных, а восходят через них к лицу Творца и Создателя, образ Которого они носят. И весьма удивишься в день оный, когда увидишь, что Святой Дух Божий почивает на них более, чем в твоем собственном сердце».

Вопрос: *В последнее время часто приходится слышать, и по себе замечаешь, что в отношениях между людьми нарастает какая-то общая раздражительность, нервозность, озлобленность что ли...*

Ответ: Оскудела любовь и умножается ненависть, потому что мы не ставим целью своей жизни исполнять заповеди Божии, не ставим целью своей жизни слушаться голоса совести, жить духовной жизнью – спасаться. И из этого неправильного расположения своей души, неправильного взятого направления, неправильного отношения к ближним следуют потеря любви и приобретение ненависти.

Как сказано в Евангелии: «*Ищите прежде всего Царствия Божия и все остальное приложится*» (ср. Лк. 12, 31). А мы ищем всего остального, а Царствие Небесное думаем, что приложится потом.

Из жизни святых отцов

ЭТО БЫЛО в страшное время, когда в пустыню пришли варвары и разорили многие монастыри.

Некоторым старцам все же удалось бежать, и в поисках безопасного места им пришлось несколько дней провести в древнем храме.

— Пусть каждый из нас поживет здесь отдельно и в безмолвии, не будем встречаться друг с другом целую неделю, — предложил один из старцев.

Так они и сделали. А этот старец, вставая поутру, всякий раз бросал камень в лицо статуи, бывшей в храме, а вечером говорил ей: «Прости меня». И так он делал целую неделю.

Наконец, сойдясь все вместе, монахи его спросили:

— Каждый день ты бросал камни в лицо статуи, а под вечер ей кланялся. Делает ли так человек правоверующий?

— Я делал это для вас, — пояснил им старец. — Когда я бросал камни в лицо статуи, то не говорила ли она чего и не сердилась ли? И когда я кланялся ей и просил прощения, трогалась ли она с места и говорила: «Не прощу!»?

— Мы ничего такого не видели и не слышали.

Тогда старец сказал:

— Нас здесь семь братьев. Если хотите, чтобы нам друг с другом жить вместе, будем подражать этой статуе, которая одинаково равнодушна и к обидам, и к почестям. Если же не хотите вести себя так, то вот четверо ворот в храме и пусть каждый идет куда хочет.

— Мы все сделаем, как ты говоришь, и будем послушны твоим словам, — сказали монахи и все оставшееся время провели вместе в мире и согласии.

«Отцы-пустынники»,
сборник христианских притч и сказаний

Безпримерная благотворительница

Труды во славу Церкви графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской

Известно, что очень крупное пожертвование на строительство нового собора в Богородицком мужском монастыре сделала известная благотворительница «Еще не довершен храм обители Задонской, но кто положил ему основание?», — риторически восклицает Н. В. Елагин, автор жизнеописания графини А. А. Орловой-Чесменской (Агнии — в тайном постриге), составленного сразу после ее блаженной кончины, последовавшей в 1848 г.

Эта видная придворная дама, избравшая стезю узкую, осиротела в 1808 г. и тратила унаследованное огромное состояние на дела благотворительности. И упомянутый Елагиным вклад на строительство Владимирского собора был не единственным знаком ее благосклонного внимания к молитвенным трудам Богородицких иноков.

Так уже в 1851 году было завершено изготовление серебряного надгробия для места упокоения святителя Тихона, сделанного «от усердия покойной камер-фрейлины, графини А. А. Орловой-Чесменской», по духовному завещанию ее. Обошлось надгробие в 5.376 руб. 94 коп. и по осени 1851 года было торжественно возложено на могилу праведника. На боковых сторонах надгробия чеканью были изображены: у главы святителя — рипиды, митра, жезл, дикирий и трикирий; у ног — глава Адамова и кости; с правой стороны — Новый Завет; с левой — Ветхий, — сообщает нам об этом иеромонах Геронтий, автор «Историко-статистического описания Задонского Богородицкого первоклассного мужского монастыря».

Причем, и после сооружения в 1862 году широко известной до революции своей искусностью раки для святительских мощей, изготовленной мастерскими ювелира Ф. А. Верховцева, дар графини Орловой-Чесменской не был забыт.

В Рождество-Богородицкой зимней церкви, где после перестройки храма мощи святителя Тихона почивали с 5 октября по 1 мая, на прежнем месте их упокоения, с левой стороны между колоннами, поддерживающими церковный свод,

в 1863 г. попечением архимандрита Димитрия на возвышении, под деревянным балдахином, также была поставлена малая серебряная рака, устроенная из прежнего серебряного надгробья, пожертвованного в 1851 году графиней А.А. Орловой-Чесменской. В эту раку ежегодно вкладывались мощи св. Тихона по перенесении их из летнего собора в теплую церковь.

И жертвы задонским инокам в память о трудах и молитвах здесь святителя Тихона стали лишь малой толикой сделанного Анной Алексеевной. Хотя ни воспитание, ни семейное окружение изначально не предполагали столь благонравного направления мыслей этой светской девицы — дочери одиозного графа Алексея Орлова.

Анна Алексеевна Орлова-Чесменская родилась 2 мая 1785 года в семье знаменитого «екатерининского орла и чесменского героя» графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского. «Екатерина II приняла участие в домашней радости графа», — сообщает нам жизнеописатель графини коллежский советник Елагин.

Анна воспитывалась рано овдовевшим отцом своим, у которого были свои понятия о том, что должна уметь его дочь: она получила не только великолепное по тому времени светское образование, но и была обучена в совершенстве верховой езде и стрельбе.

В семь лет Анна была пожалована званием фрейлины Высочайшего Двора. В первоочередные обязанности фрейлин входило присутствие при дворцовых церемониях. Разумеется, круг знакомств при Дворе стал для юной Анны складываться именно с тех лет; впоследствии эти знакомства сослужили добрую службу для архимандрита Фотия, который благодаря им не только получил трибуну для проповеди своих антимасонских взглядов, но также и индульгенцию на будущие времена от внезапной, в том числе и высочайшей опалы.

Рано потеряв отца, Анна, как единственная наследница несметных отцовских богатств, не могла не остаться без внимания виднейших аристократических женихов России и зарубежья. Кроме того (что тоже немаловажно), Орлова-Чесменская обладала красотой и добрым сердцем, привлекавшим к ней всех, знавших ее.

К ней, помимо женихов царской крови, родственников вдовствующей императрицы Марии Федоровны, сватались последний фаворит Екатерины Платон Зубов и молодой полководец Николай Каменский II. К последнему юная графиня испытывала нежные и искренние чувства, однако ее постигло жесточайшее

разочарование. Мы не знаем подробностей этой истории и при целомудрии графини не можем допустить и мысли о том, что эти чувства могли столкнуть юное создание с узкой тропы добродетели; по всей видимости, разочарование это носило душевный характер и было связано с необузданностью нрава претендента на ее руку и сердце. Необузданность эта была определенно наследственной. Достаточно сказать, что отец Каменского, старый князь Михаил Федорович Каменский в собственном имении был зарублен топором братом своей молодой любовницы. В 1811 году Каменский II был назначен главнокомандующим русскими войсками, но вскоре скончался, не успев принять участие в военной кампании 1812 года, о чем многие сожалели.

Доставшееся графине после родителей имение приносило ежегодно до миллиона рублей ассигнациями дохода и стоило, по отзывам известных лиц, до сорока миллионов рублей ассигнациями. Если присоединить к стоимости доходы с имения, которые получала графиня до продажи его, то в результате окажется, что она имела в своем распоряжении до 65 миллионов рублей ассигнациями. В этот расчет не включены ее бриллианты, серебро и золото, и драгоценные камни на весьма значительную сумму.

Однако вместо обычных забав юности она отправилась на богомолье поклониться святым угодникам в Киевскую Лавру и в Ростов. При гробе святого Димитрия, в Ростовском Спасо-Яковлевском монастыре, встретился ей старец, гробовой иеромонах Амфилохий, известный благочестием и подвижническою жизнью и 47 лет подвизавшийся в обители. Сей благочестивый старец стал первым духовником молодой графини.

Светские обязанности графини между тем росли: в 1817 году 28-летняя Орлова-Чесменская была назначена Камер-Фрейлиной Их Величеств Императрицы Марии Федоровны, Елизаветы Алексеевны и Александры Федоровны и при этом пожалована портретом Императрицы Марии Федоровны; а император Александр I наградил ее портретом супруги императрицы Елизаветы Алексеевны.

Образ жизни при дворе, однако, не удовлетворял Анну Алексеевну; она искала себе опытного руководителя в духовной жизни, который, вместе с тем, был бы и общественным деятелем, боровшимся за чистоту Православия среди русского высшего общества. Изгнанный епископ Пензенский Иннокентий (Смирнов), которого она посетила в Москве, указал ей на архимандрита Фотия, как на образец такого духовника. И действительно, кроме о.Фотия никто тогда не мог заявить публично, например, следующее: «Имярек (могущественное и известное лицо) является еретиком; не молитесь за него». Графиня стала искать встречи с о.Фотием.

Прошел почти год, и вот, наконец, прибывшая в Петербург Анна Алексеевна впервые услышала и увидела молодого монаха 27 апреля 1820 года в Казанском соборе, где он, как проповедник, выступал на Литургии с обличением духа времени. Проповедник и проповедь под названием «Бога бойтесь, царя чтите» произвели неизгладимое впечатление на Орлову. Можно предположить, что под сводами Казанского собора она приняла окончательное и безповоротное решение предаться душою этому «новому Аввакуму» (так некоторые называли о.Фотия) и стать его помощницей и духовной дочерью. Никогда впоследствии до самых последних дней жизни и после смерти своего учителя она не сомневалась в спасительности своего выбора.

Последующая духовная жизнь графини неотделима от ее наставника архимандрита Фотия, духовной дочерью которого она стала в 1822 году. «Соделавшись дщерью, — писал в своей автобиографии о.Фотий, — девица Анна, всем сердцем, всей душой, всей мыслью к Богу приложилась, предала себя авве Фотию, самые мысли и желания стараясь узнать его, дабы Бога ради во всем ему подражая, служить в слове и деле святой церкви и вере». Отец Фотий раз и навсегда разрешил и все вопросы о ее замужестве, назвав ее Христовой невестой. «Богомудрая девица, — писал архимандрит, — яко разумна, добра сердцем, с радостью все приняла, горела ревностью, как бы быть духовной Христу невестою, явить веру свою и любовь словом и делом. Дала слово до смерти Бога ради служить Фотию во всех делах Православия и благочестия, хотя бы его поносили, в заточение послали, [его] не оставлять». В 1823 году графиня писала к преосвященному Парфению: «А что касается до меня грешной, не знаю, как вам сказать, в восторге ли я или нет от отца моего духовного Фотия: только то скажу вам, что сердечно и душевно его люблю и почитаю». В письме Параскеве Михайловне Толстой от 3 декабря 1821 года о.Фотий писал о графине: «Она Матерь моя, паче нежели родная». Для человека, потерявшего мать во младенчестве, такая фраза знаменательна, она точно и четко характеризует отношение о.Фотия к Орловой.

Рамки предложенной статьи позволяют нам сказать только об одной из сторон ее деятельности, а именно о «безпримерной благотворительности». Благотворительность Анны Алексеевны не была чем-то внушенным ей извне (как это представлялось некоторым современникам, причем в этом внушении винили о.Фотия), но носила сугубо личный характер и таким образом была укоренена в ее натуре.

В 1827 году в своих записках графиня писала: «По кончине родителя моего наложила я на себя обет пред Господом Богом, сделать в память и во спасение душ преставившихся родителей моих и рода моего значительное какое-либо богоугодное заведение. По долговременном и зрелом обозрении обета моего, Господь открыл мне случай исполнить оный над святою обителью — Новгородским первоклассным Юрьевым общежительным монастырем; к чему главнейшие побудительные причины были следующие: 1. Что Священно-Архимандрит Фотий, известный всем по строгой монашеской жизни, избран мною в На-

ставника и Духовника, и по воле, и именно, по указанию Серафима митрополита должен был сделаться моим Наставником и Духовником, прежде, нежели был еще Настоятелем Юрьева монастыря. 2. Юрьев монастырь <...> в такое пришел крайнее запустение, что уже никаких обыкновенных средств высшее Духовное Начальство не имело ввиду к поддержанию его. Почему, в бытность мою в Петербурге в 1822 году, Его Высокопреосвященство Митрополит Серафим, намереваясь сделать Настоятелем в Новгородский первоклассный Юрьев монастырь Архимандрита Фотия, сообщил оное намерение мне, с тем, чтобы я всевозможно помогала в обновлении запустевшей обители сей Архимандриту Фотию, яко Наставнику и Духовнику своему; я же соревнуя древним соорудителям и поддержателям сей обители, почла возобновление оной делом святым и богоугодным, и паче иных заведений решилась обет мой, данный по кончине родителя моего, весь исполнить над сим монастырем. 3. Таким образом решимость моя на обновление сей обители имела главное основание — известные мне тщание и неусыпные труды Архимандрита Фотия, который доказал на самом деле, что никто кроме него по чистоте совести и усердию к Богу, не мог привести в исполнение Богу данный мною обет, как сердце мое того желало; при чем подкреплялось удостоверение мое и соглашением на все Его Высокопреосвященства Митрополита Серафима. 4. К непременному же и безостановочному исполнению сего, Богом внушенного мне обета, удостоилась я получить Высочайшее в Бозе почивающего Государя Императора Александра I-го подтверждение».

Благотворительность Орловой не ограничивалась Юрьевым монастырем, возрожденным из руин ее иждивением. Пожертвованиями своими графиня поддерживала: Софийский собор и прочие обители новгородские; храм Ростова в обители святителя Димитрия, где украсила она и раку св. Иакова; храм обители Задонской. Ее трудами были устроены: серебряная рака великомученицы Варвары в Михайловской обители, серебряная гробница первоначальника Почаевской лавры Иова и богатые украшения Горнего места вокруг чудотворной иконы, — а за пределами Отечества: Церковь патриаршия Живоначального Источника в Царьграде, драгоценные иконостасы Патриарших церквей в Александрии и в Дамаске. Ее имя прославлялось во Св. Граде и на Св. Горе как имя древней Мелании.

Исключительное положение графини давало ей средства помогать не только деньгами со всей щедростью, но и своим покровительством с многосторонней пользою.

Из прибегающих к ней с просьбами «никто не находил отказа, — писал современник. — Благодеяния ее простирались до такой степени, что графине почти не доставало ее огромных доходов, доходивших вначале до миллиона и постепенно уменьшавшихся, для ежедневного раздаяния даров и милостыни. Следуя внушению Евангелия: продавать имения свои и раздавать милостыню для наследования вечной жизни, она не прилагала сердца к богатству и охотно продавала имения свои, чтобы удовлетворять возникавшим отовсюду требованиям, которые основывались единственно на известности о необыкновенной ее щедрости. Из всех краев обращались к ней, как бы к неисчерпаемому источнику милости, в которой не почитали возможным получить отказ. Не было дня, чтобы таким образом не утекали тысячи из ее рук; а кто о том знает, кроме получавших или скромных раздаятелей ее милости? Благотворя прибегающим к ней, кто бы они ни были, почитая их в Христе братиями, графиня не умела отказать в чем-либо просящим, всегда стараясь хранить втайне благодеяния свои».

Скончалась графиня Анна Алексеевна в Новгородском Юрьевом монастыре 5 октября 1848 года, в день тезоименитства своего родителя, и была погребена рядом со своим наставником архимандритом Фотием.

Предсмертным распоряжением своим, последние имения, за исключением степных земель в Воронежской губернии, предоставленных родным, принесла она также на дела богоугодные и завещала: в Новгородский Юрьев монастырь — 300 000 рублей серебром (р.с.); в Почаевскую Лавру — 30 000 р.с.; в Соловецкий монастырь — 10 000 р.с.; на 340 монастырей, по 5000 в каждый — 1 700 000 р.с.; на 48 кафедральных соборов, по 3000 в каждый — 144 000 р.с.; итого: 2 184 000 р.с., с тем, чтобы весь капитал этот оставался неприкосновенным в кредитных учреждениях, а монастыри и соборы пользовались с него процентами. Сверх того, в непосредственное распоряжение попечительств епархиальных ведомств, на помощь вдовам и сиротам духовных лиц православного исповедания, в каждую епархию по 6000 р.с. — 294 000 р.с.; общий итог — 2 478 000 р.с.

«Не утешительно ли видеть в нашем веке, в современных нам лицах, повторение того, чем отличались первые века христианства? Такова перед нами графиня Анна, самым именем своим выражавшая благодать, ее предъизбравшую ко благу Церкви! В ее лице как бы опять ожила для нас одна из двух Меланий Римских», — отмечал жизнеописатель графини Н. В. Елагин.

Бывший министр народного просвещения князь Платон Александрович Ширинский-Шихматов, получив известие о кончине Орловой-Чесменской, писал преемнику Фотия архимандриту Мануилу о том, что почившая своей жизнью разрешила «едва ли не самую трудную задачу о соединении строгой христианской жизни и подвигов келейных с обязанностями высшего звания в мире и приличиями светского обращения»...

При подготовке материала использованы книга Елагина Н. В. «Жизнь графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской». — СПб., 1853, а также статья Вячеслава Улыбина «Безпримерная благотворительница» — Русская линия, от 14.05.2005.

Беседы инока с наставником

ИНОЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ

Часть 8

О КЕЛЕЙНОМ ПРАВИЛЕ

«В полночь вставал славословить Тебя за праведные суды Твои» (Пс. 11, 62).

Вопрос: *Иногда келейное правило исполняю легко, а иногда с большим трудом, и даже совсем оставляю из-за находящей телесной и душевной немощи. Наступает такое состояние, что и пальцем не могу пошевелить. Так и должно быть или подобные перемены явление ненормальное?*

Ответ: Если при исполнении правила мы испытываем примерно одинаковые трудности, то это одна ситуация. Но, если некоторое время ты молишься легко, прилежно, с умилением, с вниманием и благоговением, а затем наступает охлаждение, нерадение к молитве и окаменнное нечувствие, то значит причина случившегося неустройства в тебе. Хорошо подумай, понаблюдай за собой усердно, попроси Ангела Хранителя каким-либо образом, указать тебе, где в мыслях, чувствах, желаниях или расположениях (настроениях) ты совершаешь ошибки, которых может быть очень много. Например, прочитали мы святоотеческие поучения, что самая лучшая молитва — ночная. Возгорелись намерением самоотверженно совершать еженощные бдения с поклонами, покаянием и с плачем о грехах. Составили себе план, решили, что так оно и будет, и уже пытаемся его осуществить на деле. А Бога-то даже не спросили, не исповедали перед Ним свою немощь и безсилие, не припали к Его стопам с просьбой о помиловании, о помощи в исправлении себя от прежнего нерадения и разленения. Понадеялись на себя, а, как известно, «мнение не допускает быть мнимому»[1]

Или, например, получалось у нас какое-то время исполнять свое правило полностью. Тут же появляется самодовольство: все-таки хорошо идут дела, и это выполнил, и то вычитываю. Немало выходит, не хуже чем на Афоне... Да, так действительно, было, ты много и старательно молился, но... сравнил себя с кем-то, увидел хорошим, и после следует все нехорошее. И даже тоненького помысла тщеславия достаточно, чтобы мы неделю бились «головой о стенку» и ничего бы у нас не получалось.

Еще случается, что мы рассказываем своей братии или кому-то из посторонних людей о своем правиле. Никому другому, кроме духовника, открывать свое правило не следует. Потому что можем надолго лишиться его. И так далее... До тех пор, пока мы не отвергнем самоуверенность, самонадеянность, самодовольство и прочие порождения гордости, не найдем при внимательном исследовании себя иных каких-то причин неустройства и помех нашему молитвенному деланию, будем так страдать. Ведь не бывает дыма без огня. «Грехопадения кто разумеет? От тайных моих очисти мя» (Пс. 18, 13). Что же касается телесной немощи и разбитости, кости ломит, и стоять тяжело, то оно также имеет свои причины. Постараемся чистить внутреннюю душевную стклянницу, тогда и внешняя телесная будет очищаться (ср. Мф. 23, 26).

Вопрос: *Когда гонюсь за количеством молитв, тогда теряется их качество. На мой взгляд, лучше помолиться неспеша, со вниманием, с глубоким чувством. Но, с другой стороны, начинаю переживать, что не успею уложиться в определенные часы, получается слишком долго. Начинаешь спешить. Какой тут выход, как сочетать качество с ограниченным временем?*

Ответ: Когда душа умиляется от медленного чтения, легче сохраняет внимание, тогда спешить не следует. Если при этом ты не успел выполнить всего положенного, то часть правила дочитай на следующий день. И так сохранишь мир в душе. Но бывает, что медленное чтение способствует рассеянности. Многие греки, например, читают молитву быстро, напряженно. Если начинаешь внутренне молиться и расслабляться, то это уже плохо. Тогда с усилием понуждай себя читать быстрее, тверже. Подобное понуждение обязательно должно присутствовать в молитве. «Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е» (Мф. 11, 12).

Вопрос: *Может быть, в начале ночного бдения стоит читать правило медленнее, а когда устанешь, продолжить побыстрее?*

[1]По словам прп. Марка Подвижника.

Ответ: Только побуждение к ускорению должно исходить из внимательности, а не из стремления скорее лечь спать. Важно при всем этом внимательно наблюдать за своими мыслями, желаниями и чувствами. От них напрямую зависит твое преуспеяние или безплодность в молитве. Важно, как будет совершен ночной «авиа-вылет» к Небесному Иерусалиму: без происшествий или с неполадками в двигателях, вплоть до аварийной ситуации с авиакатастрофой. В последнем случае немедленно «катапультируйся» на землю на «парашюте» смирения, чтобы тебе духовно не разбиться о твердые камни гордости.

Вопрос: *Когда нет Божией помощи в молитвенном делании, тогда естественно опускаются руки: раз Господь не благословляет, не хочет содействовать мне Своей благодатью, врачующей немощных, то, что я могу сам сделать? Ничего не выйдет.*

Ответ: Неправильно. Господь благословляет нас на молитвенный труд и всячески желает нам помочь.

Только наше неверное устроение, гордость, самомнение и уничижение других не дают Его помощи приблизиться к душе. Надо сказать самому себе: «Господь мне хочет дать больше, нежели я могу принять. Но я не достоин и не способен, во мне самом есть какое-то зло, (значит надо) искать причину и каяться».

Вопрос: *Наверное, так оно и есть. Но, по большей части, бьешься и бьешься лбом о «бетонную стенку» до чувства безнадежности.*

Ответ: Все преуспеяние монаха выражается в молитве. Когда молитвы нет, тогда нет и монашеской жизни. И, следовательно, напрасно мы носим свои черные одежды покаяния. Вчера нас постигла неудача, сегодня — опять. Душа увидела свое окаянство и непотребство, начала понемногу смиряться. Эти чувства иногда выражаются даже не в мыслях, а в сердечном ощущении своей безтолковости и безнадежности. Господь, видя изменение нашего самосознания в лучшую сторону — ко смирению, снова укрепляет нас на добрый подвиг. По своему неразумию мы опять надмеваемся: как хорошо помолился! Благодать обратно отступает. Таким образом, нам преподаются уроки смирения и покаяния.

Вопрос: *Значит, не стоит «штурмовать» келейное правило в «физкультурном» порядке, а лучше стараться смиряться?*

Ответ: «Сия же подобаше творити и онех не оставляти» (Мф. 23, 23). И понуждать себя к выполнению принятого на свою совесть иноческого келейного правила, и смиренно помышлять о себе. Чтобы мы не заваливались на бок как «хрю-хрю». Постоял 10 минут, помучался — ну никак не идет... А, ладно, с «чистой совестью» пойду спать. Господь не дает сил, какой же мне тогда смысл заставлять себя?

Вопрос: *Именно так, не вижу смысла в одних своих личных усилиях, без содействия благодати. Без нее на самом себе можно «поставить крест».*

Ответ: Так вот и исполняй положенное с таким покаянным настроем, что без Бога ни до порога, никуда не продвинемся. На иконе прп. Нила Мироточивого написано: размышление, внимание, молитва. Если молитва никак не идет, тогда хотя бы сядь, посмотри на иконы и скажи: «Вот я какой пенек»... Лишь бы это было живое общение с живым Богом. Посиди, поскорби и поразмысли. Потому что размышление обязательно нам необходимо.

Когда мы внимательно наблюдаем за происходящим внутри и вокруг нас, делаем полезные для спасения выводы, тогда нам гораздо легче изливать в молитве Богу душу. Мы уже исходим из нашего настоящего, реального состояния. А не просто по обязанности вытягиваем «тысячу и одну» четку. Появляется живая, сердечная надежда на Бога, которая покрывает все наши немощи верой в милосердие Спасителя. Поэтому не будем спешить «ставить крест» на себе. И это предоставим Господу Богу.

Вопрос: *Иногда подумываю, не стоит ли уменьшить правило. Как говорится, лучше меньше, да лучше.*

Ответ: Все-таки постарайся исполнять начатое ранее без сокращений. Но при этом помни, что без Божией помощи сами мы не справимся. Оставление молитвы — падение для монаха. Когда же нет достаточного времени по каким-либо внешним причинам, тогда уже исполняй, сколько успеваешь. Не гонись за всем сразу, чтобы «протарахтеть» правило кое-как. Исполни хотя бы минимум, но прилежно.

Вопрос: *А как определить этот минимум?*

Ответ: Смотря по твоему душевному расположению и по обстоятельствам, в которых ты находишься. Одно дело, когда мы живем в нормальном режиме дня. Другое дело, если неожиданно навалилась тяжелая физическая работа. Третье — если мы с грузом целый день были в пути, да еще под дождем. Есть еще правило желательное, а есть обязательное.

Допустим, ночное правило относится к желательному, полному объему. А уже вечерние и утренние молитвы должны прочитываться ежедневно и неопустительно. То же относится и к Священному Писанию. Свт. Иоанн Златоуст пишет, что христианин не должен вкушать телесную пищу, пока не прочитал хотя бы строчку из Евангелия. А остальное решай по обстановке.

Вопрос: *Можно ли вместо определенного правила стараться непрестанно повторять Иисусову молитву в течение суток?*

Ответ: Подобные замены делаются по благословению священника. Но, в частности, отец Серафим (Романцов) рекомендовал лицам, хотя бы и особенно стремящимся к возделыванию Иисусовой молитвы утренние и вечерние молитвословия все равно вычитывать. Повторю, что данный совет — частное мнение о. Серафима.

Вопрос: *Понятно, что келейное правило желательно исполнять стоя, приходиться иногда и присаживаться из-за болезни или от усталости. Но, если уже совсем разбитое состояние души и*

тела, допустимо ли выполнять его по четкам лежа? Тогда, хоть както получается сосредоточиться, сохранять сокрушение духа и не отвлекаться на физические усилия.

Ответ: Для такой практики опять же необходимо взять благословение на исповеди у батюшки, к которому ты ходишь. Объяснить свою немощь. То, что тело сильно изнемогает и из-за этого помыслы и чувства рассеиваются. А когда лежишь, то с большим вниманием и благоговением читаешь Иисусову молитву. Если так объяснишь, думаю, тебе пойдут навстречу.

Вопрос: *Обязательно ли молиться по четкам? Со временем и с ними привык, и без них, разницы особенной не замечаю.*

Ответ: Когда разницы нет, можно и без четок.

Вопрос: *По болезни кровообращения по утрам делаю зарядку. Она помогает мне обходиться почти без лекарств и поддерживать работоспособность в течение дня. Можно ли монаху таким способом укреплять свое здоровье, или это прилично больше для мирян, а нам оставить все на волю Божию?*

Ответ: Человек так устроен, что для нормального функционирования (жизнедеятельности) организма он должен трудиться в поте лица (см. Быт. 3, 19). Но, если по внешним или внутренним причинам телу не хватает физической нагрузки, то по болезни допустимо компенсировать ее отсутствие физическими упражнениями, зарядкой. Это естественное самосохранение, чтобы никому не быть в обузу и в тягость.

Благодарю Тебя, Творец,
За все Твои благодеяния.
Что, отодвинув мой конец,
Не погубил Свое создание…

Благодарю тебя за всё,
За все минуты утешения,
Благодарю Тебя за то,
Что даровал Ты мне спасение.

Благодарю, когда пою,
Благодарю вкушая,
Благодарю, когда смеюсь,
Благодарю рыдая…

Благодарю Тебя всегда,
Хоть жалок, мерзок и убог.
Прошу, не оставляй меня,
Создатель Мой, Творец и Бог!

Христианская поэзия

* * *

Душа, летящая на свет,
Душа взыскующая Бога,
О, ты искала столько лет —
Как не легка твоя дорога…

Как чудно то, что ты нашла —
Как сладок Рай, Небес сиянье —
Теперь ты Бога обрела,
Нашла спасенье в покаянии.

Лети, стремись, превозмогай
Туда, где вечно с Богом будешь,
Туда, где вечно будет Рай,
Коль на земле Его возлюбишь…

* * *

Чужая скорбь так близко очень…
Чужая боль прошла по мне…
Так написал вам — между прочим,
Прожить бы жизнь всю как во сне.

Восстань, душе! А будет завтра?
Забудь про житницы свои.
Зачем тебе земное царство?
Зачем тебе? Ты — соль земли.

Ищи сокровище нетленно,
Его одно лишь собирай.
Се Сын Твой, Матерь — Царь Вселенной,
Его о нас Ты умоляй…

Трудник Задонского монастыря, N.

ДАНИЛКИНЫ ЖЕМЧУЖИНКИ

Сон маленького мальчика

У пятилетнего Данилки случилась самая большая беда, какая только может случиться у мальчика или девочки, – у него умерла мама. Болела, болела и умерла. Сначала Данилка ходил как пришибленный: он как-то и понять не мог, что же такое случилось с его мамочкой, почему ее больше нет ни дома, ни в больнице, ни на улице возле дома? Он все оглядывался и прислушивался, и никак не мог поверить в то, что это его настоящая мама лежала в том длинном коричневом ящике с оборочками, который чужие дяденьки накрыли крышкой, заколотили гвоздями, а потом зарыли в землю. Он чувствовал, что это не так, что это неправда, но спорить со взрослыми он не умел и не хотел – не до того было Данилке. Он просто сидел часами на одном месте и все ждал и ждал, что его позовут и повезут к маме в больницу. Или она сама появится, подойдет к нему, сядет рядом, обнимет его и скажет:

– Данилка, это же неправда! Я не умерла!

Но мама все не приходила и не приходила. Иногда он начинал плакать, но тут кто-нибудь из взрослых, даже папа, говорил ему:

– Не плачь, Данила, будь мужчиной! Слезами горю не поможешь!

Данилка и сам изо всех сил крепился и не плакал. А для этого лучше всего было сидеть на одном месте, смотреть в одну точку и стараться ни о чем не вспоминать и даже ни о чем не думать. А это было неправильно! Но некому было объяснить бедному Данилке, что он делает не так и почему это неправильно.

И вот тогда, видя эту беду, решил Данилкин Ангел Хранитель, что пора ему вмешаться. Взял он и приснился как-то ночью Данилке. Встал перед ним – лицо светлое, крылья белые, стихарь

– это форма такая ангельская – переливается всеми цветами радуги.

– Здравствуй, Даниил! – говорит во сне Ангел Хранитель Данилке. «Даниил» – это было Данилкино полное имя, данное ему при Крещении.

– Здравствуйте, – отвечает, тоже во сне и вежливо, как его мама с папой учили, Данилка. – А вы кто?

– Я твой Ангел Хранитель. Пришел я поговорить с тобой.

Данилка в ответ промолчал – он не знал, о чем можно с Ангелами разговаривать.

– Слышал я, Данилка, что тебе взрослые советуют о маме твоей не плакать.

– Они... Они говорят, что я маму слезами огорчаю. А я вовсе не хочу ее огорчать! Только это очень трудно и вот тут, – он погладил себя по груди, – очень больно – не плакать, когда хочется, – ответил честно Данилка, и слезы тут же подступили у него к глазам и к горлу, да так близко, что он и во сне чуть не заплакал в голос. Но сдержался – как обычно старался сдерживаться. И ему опять стало больно в груди и в горле.

– А как ты думаешь, Данилка ты мой, для чего даны человеку слезы? – спросил Ангел.

– Не знаю... Раньше я думал, что это для того, чтобы показать, что тебя пора пожалеть.

– Правильно ты думал, Даниил. Когда один человек, особенно маленький, плачет, а другой, тем более взрослый, его жалеет – сразу половина боли проходит. Так?

– Так. Я когда совсем маленький был, никогда не плакал сразу, чтобы слезы зря не тратить. Я сначала бежал к маме, добегал до нее и тогда уже начинал плакать. Мама брала меня на руки, жалела, дула на коленку – и разбитая коленка сразу переставала болеть.

– Вот видишь, получается, что слезы вызывают жалость и сочувствие – и этим снимают боль. Как будто смывают ее. Так вот и в горе, Даниил. Слезы тебе для того и даны, чтобы без вся-

ких слов сказать другим людям: помогите мне! Чтобы близкие помогли тебе своим сочувствием. Когда горе настоящее, слез не надо стыдиться. Ты меня понимаешь?

– Не очень, – честно ответил Данилка.

– Ну хорошо. Тогда я тебе просто покажу, что такое твои слезы о маме. Давай мы вот что сделаем, Данилка, – мы с тобой поплачем о твоей мамочке вместе! Вставай с постели!

Данилка послушно встал.

– Хорошо, что у тебя в комнате висит икона Божьей Матери, нам далеко идти не надо! – одобрительно сказал Ангел. – Становись рядом и давай плакать вместе. Ну, плачь, не бойся и не стесняйся! – и Ангел обнял Данилку за плечи и прижал к себе. И, конечно, Данилка сразу же заревел, а слезы побежали у него по щекам и закапали... Но не на пол они закапали, а прямо в подставленную ладонь Ангела.

Данилка плакал и приговаривал:

– Мамочка моя! Ты куда ушла? Мне без тебя так плохо-плохо, мамочка!

И хотя он жаловался и говорил о том, как ему плохо, на самом деле ему становилось все легче и легче! То ли потому, что уж очень много невыплаканных слез у него внутри накопилось, то ли потому, что Ангел его так ласково гладил по плечам. Он плакал и плакал... А потом стал переставать, потому что слезы у него как-то кончились, и он уже только всхлипывал да вздыхал.

И тут Ангел протянул ему ладонь и показал в ней горсть маленьких светлых жемчужинок.

– Знаешь, Даниил, что это?

– Нет.

– Это твои слезы о маме – святые и невинные детские слезы. Вот они и превратились в драгоценный жемчуг. Видишь, какое чудо?

Данилка кивнул и осторожно, одним пальчиком, потрогал удивительные жемчужинки.

– Но это еще не все, Данилка! – сказал Ангел. – Теперь давай мы с тобой помолимся о твоей маме Господу. Видишь, вот Он на иконе сидит на коленях у Своей Мамы – у Божьей Матери. Повторяй за мной: «Упокой, Господи, в светлом Твоем Раю мою мамочку, даруй ей прощение и утешение! А мои слезы прими, Господи, как молитвы о ней!»

Данилка старательно и доверчиво повторял слово за словом все, что сказал ему Ангел. А пока они молились, Ангел откуда-то взял серебряную нить и стал нанизывать на нее одну слезную жемчужинку за другой. И получались бусы! И когда они кончили молиться, Ангел связал концы серебряной нитки и сказал:

– Ты, Даниил, будешь плакать о своей маме, а я стану собирать жемчужинки и нанизывать их на нить твоей молитвы. Представляешь, какое замечательное ожерелье для мамы у нас получится?

Данилка поднял глаза на Ангела. Ангел правильно понял его удивленный взгляд.

– «Ожерелье», Даниил, – это так по-старинному называются бусы.

Данилка кивнул.

– А знаешь, что мы сделаем с этим ожерельем, когда ты выплачешь все свои слезы и они превратятся в жемчуг?

– Ты отнесешь эти бусы моей маме?

– Да. Я скажу, что ты плакал о ней, пока были слезы и хотелось плакать. К тому времени ты перестанешь плакать. Но перестанешь не потому, что будешь по-глупому крепиться изо всех сил, а потому что выплачешь слезами самое горькое свое горе. И останется только любовь к маме, светлая печаль о ней и молитва. А мама твоя в Раю будет носить драгоценное ожерелье из твоих жемчужинок и тоже помнить о тебе и молиться. И вот когда она будет проходить райскими садами, а Пресвятая Богородица увидит ее, Она скажет святым девам, сопровождающим Ее: «Вот идет счастливая мама! Видите, какое на ней чудное жемчужное ожерелье? Это значит, что ее дитя плакало о ней святыми слезами, соединяя их с молитвой к Моему Сыну. Слезы превратились в жемчуг, молитвы – в серебряную нить, вот и получилось такое дивное украшение, подарок от любящего сына». – Ангел погладил Данилку по голове и спросил:

– Ты все понял, Данилка?

– Я понял, – сказал Данилка.

– Про слезы понял и про бусы для мамы. Так получается, что я правильно думал и мама моя не умерла?

– Нет, не умерла. Это тело ее спит там, в могилке под цветами. А сама она жива.

– Она у Бога?

– Ну, конечно!

– Я так и знал! – сказал Данилка и улыбнулся, и при этом еще две невыплаканные, самые маленькие слезинки выкатились из его глаз, прокатились по щекам и упали на пол. Но Ангел наклонился и подобрал две последние жемчужинки. После этого он подвел Данилку к кровати, уложил его, подоткнул со всех сторон одеяло, поцеловал его в макушку, перекрестил и улетел. А Данилка уснул.

Проснулся он рано-рано, когда в доме все еще спали. Оделся, умылся, подошел к иконам, вздохнул... и заплакал. Поплакал-поплакал, а потом вспомнил, что без молитвы из одних только слез красивые бусы для мамы не получатся, и стал прилежно молиться.

Юлия Вознесенская